

ШРАМЫ НА СТОЛБЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Владислав Дворецкий

18+

Владислав Дворецкий

Шрамы на столбе

«Автор»

2026

Дворецкий В.

Шрамы на столбе / В. Дворецкий — «Автор», 2026

Однажды мир изменился, и люди забыли всё, что знали до этого. Забыли внезапно, как по волшебству. Человечество предоставлено само себе, но ему отказано в развитии самой природой. Лишь немногие пытаются понять смысл этого Проклятия Забвения. Главный герой не один из них. Он просто очередной сирота с провалами в памяти. Но именно на его плечи легла ответственность за секреты тех, от кого зависит будущее. Это история о путешествии, о становлении, о людях, принявших мир после апокалипсиса как новый виток развития.

© Дворецкий В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Уважительная причина	5
Глава 1. Дежурство	6
Глава 2. "Гептаграф". Часть 1	16
Глава 3. Две недели назад	19
Глава 4. "Гептаграф". Часть 2	23
Глава 5. Люди и дорога	28
Глава 6. Новое дело	36
Глава 7. Путь. Часть 1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владислав Дворецкий

Шрамы на столбе

Пролог. Уважительная причина

Люди забыли очень быстро. За каких-то десять дней пропали все имена, данные земле. За месяц пропали все имена, данные небесным телам. За год забылись имена щедрых благодетелей, которые дали людям пропитание и технологии. Через пять лет забвение добралось до имён людей.

Что означают семантические конвульсии старого мира, не разберут даже проклятые своей одержимостью историки. Остались лишь две вещи, питающие разум существа: то, что можно прижать к сердцу, и то, что всплывает в сознании. Даже мысли и память обратились против хозяев. Из тьмы подсознания всплывают образы и память былых лет. Незузнаваемые и потому пугающие до кататонического состояния. Оно доводит до безумия, смерти или летаргии. Вынырнувших из этого тёмного озера стёртой истории уже не вернуть, но каждое их слово эхом отдаётся через все осколки общества.

Один человек, забывшийся во мраке несущественного, но существовавшего прошлого, успел передать остальным лишь кроху познания. Приняв свою судьбу искажённой капсулы времени, он сказал: “Запад раскрыл пасть и проглотил Восток. А Восток растаял и отравил Запад.”

Фельдшер у кровати этого человека просто потерял сознание, от испуга ли? Или от иступлённого озарения? Остальных поразила благоговейный трепет. Говорили потом, что он передался и свечам, и ловцу снов, и покрывалу, свисающему на входе. И эти два предложения пролетели множество шагов и попали даже в уши тех, кому не было дела до прошлого и его скорби. Но даже их поразила уверенность в том, что так оно и было. Нутро каждого скрипело и шептало в унисон этому откровению.

И с тех пор любому ребёнку так и объясняют всю несправедливость мира, истоки всего порядка вещей. Был Запад и был Восток. Запад раскрыл пасть и проглотил Восток. А Восток растаял и отравил Запад.

Глава 1. Дежурство

Его зовут Троп. Счастливики, родившиеся в стенах городов, получают имена от пророков, волхвов и мудрецов — хранителей древнего знания имён. Горожане верят, что особые прозвища могут наделять силой и удачей. Имя, которое не затерялось в летах забвения, не позволит потеряться хозяину. По крайней мере, так они верят. Большинство других — жители пустоши, густых лесов, пыльных низин и жестоких гор, лишены такого откровения. И дитя получает имя с небрежностью волны, которая выбрасывает мусор на берег. Иногда оно достаётся от родителя, иногда от первого, что попало на глаза во время родов. Иногда, как и Тропу, имя даётся по месту рождения. Такие люди верят, что ребёнок решает появиться на свет именно в том месте, которое подходит ему для имени.

Разумеется, сам Троп так не думает. Парню не нравится, как его зовут. И неприятны узкие лесные тропы, где он появился на свет. «Внушают ложное чувство безопасности».

Парень не помнил своего раннего детства. Первое, что всплывает в голове при разговоре о прошлом — висельник на фонарном столбе тянет к нему руки и по-доброму улыбается. Свет от фонаря окрашивает болотный туман в золото. Рыбачьи лачуги на заднем фоне смотрят на Тропа тусклым светом решётчатых окон.

Мальчику тринадцать лет, и в душе необъяснимое чувство обиды и жалости к себе. А дальше работа рыбаком на болоте. На завтрак и ужин — водоросли и пираньи. Тяжёлый труд подмастерья плотника. Запах мокрой полусгнившей древесины. Старейшина вводит комендантский час — в деревне пропадают женщины. Теперь Троп не может выходить по ночам и охотится за ночной рыбой. Через две недели все женщины возвращаются домой. Без глаз и обескровленные, но живые.

Мальчишка еле унёс ноги, попал в Чёрную зону. Днями прятался под свинцовыми саркофагами, а ночами охотился на существ, мутировавших настолько, что стали абберациями. Следующее по яркости воспоминание — прозрачная вода — первая чистая река в его жизни. Он увидел её в восемнадцать лет, когда решил уйти в те места, которые диггеры из Чёрной зоны называли мирными. Река текла вниз посреди мшистых скал и редких деревьев. Ходить в открытую опасно, но он не знал этого. Некому было предупредить Тропа, когда огромный филин вонзил когти в его плечи, промахнувшись мимо головы. Охотник всадил мачете по рукоять в огромную птицу, когда она уже поднималась в воздух, чтобы сбросить добычу с высоты. Парня не успели поднять слишком высоко, но от падения он потерял сознание. Проснувшись, обнаружил перелом ноги, мёртвого филина, всё ещё цепляющегося за плечо, и слабость во всём теле и в голове. Такую сильную, что хотелось снова провалиться в сон. Следующие несколько месяцев Троп жил калеккой, питался пойманными в силки белками, насекомыми и шёл вдоль реки. Он надеялся на поверья людей из болотной деревни, которые гласили что любая река приведёт его к большой воде.

Но этого не случилось. В один момент поток воды просто скрылся в расселине среди множества трещин в земле. Недалеко от неё Троп и встретил своего нынешнего нанимателя. Прошло больше года.

У старой дороги, на которой трещин было больше, чем асфальта, стоял постоянный двор в несколько этажей высотой. Старое здание из жидкого камня было высотой всего в три этажа. Однако хозяину этого было мало — на крыше проросли несколько пристроек, — башенки из каменных блоков и стальных пластин. Дорога шла между зданием и густым хвойным лесом в метрах двадцати от неё. Деревья настолько большие, что упади одно такое, и оно заденет дом. С обратной стороны от постоянного двора был неровный безобразный пустырь. Все окна, что могли смотреть в эту сторону, были обложены кирпичом, так что туда смотрели только

две пары глаз с высоты третьего этажа. Парень и девушка лежали на животе, на нескольких сложенных вместе пуховых матрасах. Таких же старых, как и пристройки рядом. Холод раннего утра разбавляло тепло от нескольких железных труб рядом, пускавших в небо столбики дыма.

– Запад меня ненавидит. – произнесла девушка.

Её добрый голос приглушал широкий шарф, в который она уткнулась, засмотревшись на горизонт. Она была одета слишком тепло, даже для такой погоды — стояла ранняя осень, и лужи уже покрывались льдом в особо холодные часы. Три слоя бежевых, коричневых и серых одежд делали её силуэт бесформенным, издали похожим на обычную мусорную кучу.

Парень был одет в похожие цвета, но ткани было на нём заметно меньше. Его туника лежала маскировочным полотном, скрывая его тощую фигуру. Они несли дозор уже шестой час. Принесённые ветром хлопья пепла и грязи успели осесть на одежде, и ещё сильнее скрыть их.

– Думаешь Западу есть дело до твоих переживаний? Много же в тебе важности. – тон голоса парня выдавал его улыбку. Он устало уронил лицо в матрас и звучно выдохнул, словно сказал что-то забавное. Сил на смех не осталось.

Девушка фыркнула и ткнула Тропа кулаком в кожаной беспалой перчатке.

– Люди приходят и уходят, Гри. Как погода, или удача, или ещё тысяча всяких мелочей. – добавил он и, подняв голову, всмотрелся в её лицо – Но для наших богов никто не пропадает. Человека не стало в твоей жизни, а он сам никуда не делся. Запад не разделит с тобой чувство потери, и не поймёт тебя.

Глаза Гри с терпеливой усталостью смотрели вдаль. Парень видел, как её взгляд запеленали мысли, и замолк, побоявшись вывести девушку из медитации. Наконец, девушка моргнула несколько раз, отгоняя мысли, и перевела свой насмешливый, картинно снисходительный взгляд на собеседника.

– Говённый из тебя философ, Троп. И утешитель тоже. Будешь пытаться втиснуть в свою тупую голову стариковские мысли — только расстроишь людей. А у них ведь могли быть надежды, что ты не только дикарь, питавшийся лесной капустой и белками.

Парень выдержал её взгляд с протяжным смешком и ответил, немного повысив голос.

– Ну а что? Сама посуди – если ты не видишь потери, не видишь трагедии, то будешь ли ты “наказывать” человека этим. Какое тебе есть дело до того, чтобы обижать и расстраивать людей, если эти вещи для тебя ничего не значат?

– Это тебе пустельга нашептала, пока ты её кормил бельчатинной? Или на тебя влияет Огюст?

– И того и другого понемногу. – сказал парень с неожиданными для себя нотками гордости. Бровь Гри поднялась в немом удивлении. Задумчивость и меланхолия в её взгляде окончательно сменились азартом охотника или сыщика. Она словно напала на неровный след, на зацепку, обличающую и открывающую уязвимость.

– Хорошо, что ты всё-таки сдружился со стариком. Послушать тебя пару месяцев назад — подивисься, как твои слова не накладывают на него, порчу. Все полы оплёваны от презрения, все стены обиты кулаками от ненависти. А уж как, по его словам, ты вёл себя год назад и какие клятвы давал...

– Красиво ты меня с дерьмом мешаешь. – злобно сказал Троп, едва открывая рот и растягивая слова. Взгляд его при этом посерьёзnel. Молодой охотник смотрел на девушку сощурившись и не моргая. Если она и заметила эту перемену, то не обратила внимания.

– С чего бы? Ну был у тебя период такой. Люди меняются, особенно в твоём возрасте. Когда я пережила свою девятнадцатую Тьму, то меняла отношение к людям, как погода в Чёрной зоне. Часто и непредсказуемо. Старик тоже это понимает, так что пользуйся нашим снисхождением.

– В жопу своё снисхождение засунь и там им поковыряйся хорошенько. Я никому ничего не простил. Мне просто хватает мозгов не жить одной только клятвой целый год. Слишком тупых и несгибаемых в Чёрной зоне ломают. И, кстати, погода там может держаться несколько недель. – от слов Тропа веяло холодным раздражением, а взгляд прищуренных глаз продолжал прожигать девушку насквозь. Но остальное тело было в полном покое, эдакой в располагающей вальяжности.

Гри тихо усмехнулась и ничего не ответила. Просто смотрела, не отводя глаза, стойко выдерживая испепеляющий взгляд. Тишина вокруг них кристаллизовалась как стекло и постепенно давала трещины, пропуская всё больше звуков вокруг. Тихий шум работы печей в здании, назойливая трель цикад, прилипнувших к деревьям за дорогой, скрипучие повизгивания тушканчиков и кротовых емуранов на пустыре. Они лежали и смотрели друг на друга, внешне спокойные, но надменные, чёрствые, решительные, как заядлые бретеры с обнажённым оружием.

Наконец, спустя примерно минуту, Троп не выдержал и отвернулся, заставив себя застыть взглядом на горизонте. Девушка молча и флегматично последовала его примеру. Но даже в шорохе её одежды оскорблённый парень улавливал слова: “Так я и думала”.

Безобразный пустырь медленно омывался оранжевой краской рассвета. Тучи на небе словно расступились перед неумолимым солнцем, проплывая мимо постоянного двора в сторону леса. И хотя грозные и пухлые облака выглядели внушительно, никакого дождя не было. Кое где медленно тлели синие всполохи диких огней — прихоть таинственной природы. Случайная травинка вспыхивала лазурным пламенем и, опаяя только несколько своих соседок, горела, как большой фитиль всю ночь. Пламя не слишком яркое, но такое горячее, что, даже проходя в метре от него можно получить ожог. Крайне редко дикий огонёк, набравшись сил непонятно откуда, поднимался до двух метров в высоту освещая всё вокруг, и сжигая до костей неудачников, оказавшихся рядом. И через минуту-другую, на последнем издыхании, пламя снова припадало к земле, обрушивалось, не как угасающий огонь, но как поток воды. И этот дикий огонь взрывался, оставляя воронку радиусом более метра. Вся трава за пределами воронки оставалась целой. Такой же пожухлой и тусклой, но живой. Огонь не трогал и валяющиеся тут раскуроченные пни, растрепавшиеся колючие кусты и обломки деревьев. Всё это вместе производило впечатление, словно пустырь был местом битвы древесного народа.

Поле битвы постепенно уходило в холмы с правой стороны. Они были высокими, и такими же забытыми для всех, кроме таинственных аномалий и диких зверей. Склоны с редкой травой словно столпились на краю пустыря, как скромные беспризорники.

Из-за одного из холмов, у самого подножья, медленно и степенно вышел зверь. Троп озадаченно хмыкнул, достал самодельный бинокль и приложил к глазам. Перед ним предстал величественный олень. Шкура его была без шерсти и матово-черная. Казалось, она поглощает окружающий свет. По всему телу от спины прорезались алые неровные линии, как горные устья рек или молнии, они словно сковывали за собой бесконечную черноту. В фиолетовых глазах отражался блеск диких огней, когда зверь оглядывал округу не как травоядная жертва, но как хозяин своих владений. Он медленно вышагивал прямо через пустырь, как если бы знал прямую дорогу и не боялся ни пламени, ни неровностей земли, ни хищников. На голове было два коротких неровных обрубка — обломанные почти по самую макушку рога. Это был король без короны, вельможа в обносках, посреди своей бедной земли.

– Это он? – голос Гри был спокоен, но она смотрела вдаль на удивительное животное с живым интересом, словно могла видеть все те же детали без бинокля.

– Это он. Соизволил всё-таки. Сволочь такая, идёт как к себе домой. – пробурчал Троп и отнял бинокль от глаз, боясь как-бы животное не заметило блик от стекла. – Доставай винтовку.

Требование было лишним. Гри уже потянулась к продолговатой куче кое как сложенной ткани и достала оружие. Не шедевр оружейного мастерства, но, тем не менее, гордость опыт-

ного охотника или убийцы. Ложе и увесистый приклад из тёмного дерева, оканчивающийся насадкой из плотной ткани. Длинное шестиугольное дуло с толстой мушкой на конце. Никакой обоймы или магазина не было — винтовка была однозарядной. Над дулом на трех крепёжных механизмах сидел оптический прицел. Давно откалиброванный и вычищенный до блеска. Девушка открыла камору и бережно вставила увесистую пулю. С собой она взяла только пять, хранила в самодельном черном кисете. Винтовка легла на небольшую выбоину в парапете на краю крыши. Оружие уместилось там, словно это было его законное место. Гри посмотрела в прицел, не поднося к нему голову и прикрыв один глаз.

– Какой статный. Да, точно наш. – пробормотала она, улыбаясь, а потом спустила с лица шарф, полностью открывая худое лицо. Его молодость и красоту портили обветренность, сухость и шрам, идущий от уголка правой губы. – Давай быстро. Помнишь свою часть?

– Помню.

Троп снова посмотрел на оленя в бинокль, напарница рядом наклонила голову почти к самому прицелу и навелась на грудь их короля-зверя.

– Двести метров. Даже больше – сказал парень, оглядывая в бинокль оленя, его окружение, и расстояние от их позиции и до него.

– Точно? – через холодную собранность в голосе Гри лишь едва прослеживалась нотка любопытства, как ментор принимающий экзамен у ученика.

– Двести десять. Плюс минус пара метров. Ровно на сто пятьдесят от нас обгоревшее дерево со странными ветками похожими на вздёрнутые паучи лапы. На сто метров от нас самая большая воронка.

– Ага. Похоже на правду. Ветер?

– Дует прямо на нас. Хороший знак. Скорость... хм. Трава шевелится, но не сильно, по лужам идёт рябь...

– Дым.

– Точно. – Троп оторвался от бинокля, повернул голову и посмотрел на столб дыма из ближайшей трубы. Несколько секунд он оценивающе следил, казалось оценивая кривизну. Тихо вздохнув, он вернулся назад, возобновив наблюдение. – Ветер есть но слабый. Я бы сказал на тройку.

– Хорошо. Ветер нам благоволит. Сколько будет лететь пуля? И напхни куда стрелять. – Гри смотрела на оленя через оптический прицел. Зверь медленно двигался через пустырь, ореол рассвета ещё сильнее затемнял его фигуру.

– Хм-м... полсекунды. Но с ветром чуть побольше. Стрелять либо в сердце, либо в голову. В мозг, конечно. Если органы у него там же, то мозг почти у затылка, а сердце примерно над передней лапой. Если захочешь выебнуться — бери чуть-чуть дальше от торса.

– Ладно. Давай попробуем – она сказала это и тут же выстрелила. Звук громогласно раскатился вокруг. Невидимые до этого птички в траве поднялись хаотичным дождём, льющимся вверх. Они собрались в черное облако и полетели за холмы.

Троп, видимо ожидая такой выходки от напарницы, успел закрыть уши. Он поморщился и присмотрелся к пустырю. Оленя не было видно, но не мог же он так быстро сбежать.

Парень приставил к глазам бинокль и начал обшаривать землю. Только увидев еле выглядывающее тело в высокой траве он облегчённо вздохнул и уронил голову вниз.

– Ну всё, давай, *chasseur*. Я тебя прикрою. – Гри отставила винтовку, легла на бок, опершись в крышу локтем и подперев голову ладонью. Вот и её высокомерный вид победителя, состоявшегося стрелка. Её снисходительный взгляд, обращённый на неопытного *chasseur*. Троп уже подправлял за пояс тунику, поднял полы и подоткнул их, обнажая лёгкие грязные штаны. Он не сводил взгляда с девушки.

– Упал замертво. Что, не стала рисковать и выстрелила в голову? – сказал молодой охотник с картинной небрежностью, изображая опытного профессионала, который знает всё наперёд.

– Ага. Это ведь проще. – ответила Гри со спокойной теплотой в голосе, наблюдая, как Троп отходит за одну из пристроек и достаёт складную лестницу.

Парень уже хотел добавить “так я и думал”, но решил, что это будет слишком уж пошло.

Лестница надёжно прицепилась крючьями к ободу крыши и упала вниз на разбитую асфальтовую дорожку у здания, кровоточащую густой травой. Троп засунул в ножны топорик, взял с собой моток толстой верёвки и начал спускаться вниз.

– Не убейся там, хорошо? – услышал он добрый голос напарницы и беззлобно фыркнул.

Трава под ногами накрыла асфальт, как пушистый коврик у входа в дом. Рассвет постепенно принимал пустырь в свои владения. Слепящее солнце, уже заметно выглянуло из-за горизонта, словно оттуда шла опаляющая волна. Та, что очистит поле от следов небывалой битвы. Троп вытащил из-за пазухи очки на ремне с толстыми закалёнными линзами и застегнул на глазах. Свет притупился, освобождал для взора неровности земли, толстые ветки и пни. Парень подумал, что ещё несколько минут и пришлось бы стрелять в очках. Хорошо, что успели. И хорошо, что он вышел именно тогда, когда начало светать. Идти ночью по этому полю было бы ужасно.

Он пошёл вперёд. Медленно, как по минному полю, сначала выверяя каждый шаг, разминая затёкшие ноги, словно даёт ступням привыкнуть к сухой травянистой земле. Постепенно он позволяет пустырю сомкнуться за собой, огибает маяки синих огоньков и остовы жутких кораблей-пней. Мысленно сравнивает себя с вороным чудовищем, труп которого не виден отсюда. До его прямого шествия Тропу далеко, как убийце далеко до короля.

Чем дальше он продвигался, тем беспокойнее становилось. Парень ускорил шаг. Тёплый ветер, вбирающий жар коварных синих ловушек, омывал лицо, стряхивал с туники пепел, как заботливый отец. Огоньков становилось всё больше. По спине пробежали мурашки, чуть скребло за рёбрами и шептало прямо в череп предупреждения. Синие травяные свечи словно следили за ним, подмигивали от порыва ветра. Они то хмурились, то удивлённо взирали на Тропа, пытаясь узнать по его виду, — что человек забыл в месте для зверей? Кем он себя возомнил? Есть места, где нельзя ходить, где нельзя оборачиваться, где некуда прятаться, и нет смысла бежать.

В метрах десяти на северо-востоке возник резкий высокий всполох. Предупредительный выстрел аномалии. Троп остановился и присел, спрятался от взора синих глаз и прислушался. Ветер ерошит траву, синие свечи издевательски перешёптываются, крепкие отчаянные насекомые тоскливо и редко стрекочут, спрятавшись в древесных останках. Вокруг не было видно никого, но язык не поворачивался сказать, что вокруг нет ни души. Пустырь выглядел покинутым, забытым, ненужным. Троп, стоя в его центре, вбирал это отчаяние. Израненное поле не желает ему вреда, оно всего лишь не умеет быть гостеприимным.

Парень приподнялся и пошёл дальше, согнув спину и вглядываясь в невидимую тропку, которую рисовал в своей голове. Высокая трава, глумясь над ним, прятала огоньки. Приходилось ощупывать рукой воздух перед собой, и принюхиваться, в попытке различить самый сильный аромат серы.

Через пять минут парень выпрямился и снова осмотрелся в поисках тела. Ничего. Отсюда ничего не увидеть. Троп закрыл глаза и глубоко, страдальчески вздохнул. Оборачиваться не хотелось. Во-первых, в таких местах это ощущается мерзко, неприятно. Нельзя показывать страх, даже если обернулся без испуга. Попробуй объясни это живому зоопарку физических и мнемонических аномалий. Во-вторых, не хотелось прибегать к помощи Гри. Но, в конце концов, бесцельно бродить через высокую траву хотелось ещё меньше.

Не открывая глаз, Троп обернулся, и раскрыв их, вперился взглядом в крышу трёхэтажного здания. Конечно, отсюда девушку было не разглядеть — просто унылая постройка, прямоугольный исполин с заросшей головой в виде ржавых башенок. Парень поднял руки и несколько раз взмахнул ими из стороны в сторону. Через несколько секунд он увидел блик от прицела и пожалел, что не взял с собой бинокль — боялся разбить или расплавить. Троп развёл руками, картинно осмотрелся вокруг. Через несколько секунд, в процессе этого, он увидел, как заметно правее и немного впереди вверх подлетели куски травы и комки земли. Через долю секунды до него докатился и звук выстрела, на удивление не такой громкий, как ожидал парень. Он высоко поднял руку с большим пальцем вверх и быстрым шагом пошёл к отмеченному месту.

Мёртвым он был не менее величественный. Чёрный и красный. Монарх-мученик на своей зелёной постели. Только увидев его вблизи Троп оценил весь ужас ситуации — ему придётся тащить на себе целого оленя через пустырь, а он ещё и больше обычных самцов-рогачей, на которых парень охотился у окраин Чёрной зоны. Что ж, с этим можно разобраться. В крайнем случае будет осторожно волочь тушу за собой, что, конечно, может разодрать шкуру. Огюст будет ворчать, но молодой охотник и так был готов к этому. Пусть обворчит до смерти со своими заумными нотациями. Опять лишит завтрака на неделю и запретит выходить в лес. Ну и черт с ним. Лучше отсидеться неделю в каморке с книгами или в лаборатории, чем сжигать своё тело и разум, надрывая спину.

Троп присел над мёртвым королём, с хмурым видом осмотрел тело взглядом криминалиста о которых парень никогда не слышал. Парень приподнял оленью голову. Фиолетовый глаз зверя без намёка на жизнь спокойно смотрел на помощника своего убийцы. Руки отпустили обрубки рогов, и голова с приглушенным шлепком упала в траву. Троп опустил взгляд ниже и ощупал пальцем безобразную дырку от пули выше передней лапы.

– Ну конечно...

От смертельной раны отходила толстая струя крови. Всё ещё свежая, она сползает вниз, впитывается в сухую ненасытную землю оставляя густую лужу. Брызги крови перекрывают алые молнии на шкуре, портят чарующий узор, разбавляют его.

Троп любовался этим надругательством над порченной природой почти минуту. Из транса его вывели призрачные голоса в шелесте травы. Пора приниматься за работу. Он достал моток верёвки и приподнял чёрно-алого мёртвого короля.

Зверь крепко связан за спиной, верёвки на охотнике перетянуты на манер лямок рюкзака и крест-накрест на груди. Парень неуверенно сделал шаг примеряясь к новому весу, рассчитывая центр тяжести.

“А ты легче чем я думал, друг. Будешь хорошо себя вести — дойдём с тобой до мясницкого стола без перебоев.” Шаг за шагом, он чувствовал себя увереннее, тянул две туши через пустырь. Его собственное тело словно преодолевало враждебность окружающего аномального побоища, тело за спиной флегматично болтается, разделяя своё спокойствие на их двоих.

Троп вошёл в одну из воронок, в который раз осмотрелся.

“Когда пламя полностью выгорает, оставляя такую воронку — оно больше никогда не возвращается на это место. Считай это реверсивным островком. Оставаться тут надолго опасно, но немного передохнуть вполне можно. Подумай вот о чем: однажды каждая травяная свеча раскурочит землю под собой и погаснет навеки. Поле станет относительно безопасным, аномалии поглотят сами себя и ничего в этой долине не скажет о том, что именно тут хозяйничало.” Это слова старика Огюста эхом отдавались голове. Он улыбнулся им и спросил то, что не решился спрашивать, когда только услышал его объяснения.

– И как долго ждать до этого?

Молодой охотник выбрался из миниатюрного кратера. Трава бессвязно шепелявила под ногами. Редкая роса приятно увлажняла ноги, острые стебли царапали ступни. Это место могло быть одним из многих унылых, бесцветных мест без названия и сверхъестественных причуд.

“Дольше, чем ты способен вообразить.” – ответило воспоминание.

Троп замер, прислушался к своему нутру. Загнанное в угол чутье скребёт за рёбрами, постукивает по ним морзянкой. Парень взял себя в руки, продолжил шагать, и думал, что возможно это не трусость и не простой страх перед необъяснимым. Возможно, тут стало ещё опаснее, чем он думал.

“Это так, мальчик. Сейчас тут опасно.” – вкрадчиво и хрипло сообщило воспоминание. Воспоминание, которого не было, просачивающееся в настоящее. Троп резко вздрогнул. Он смотрел перед собой, видел здание постоянного двора — крепкая, неказистая, даже в чем-то жалкая постройка на службе таких же существ. По краям, на самой периферии, строение обрамлял чёрный ореол, — монолитный колодец из теней, через который было видно всё, что впереди. Слева от колодца отделилась пухлая толстая ветвь, закрыв собой траву и кусок здания. Охотник зажмурился и повернул голову в сторону. Раскрыл глаза вперившись в холмы и с ужасом понял, что смотрит на них через чёрный колодец, растущий на белках его собственных глаз. Это было невыносимо похоже на рассказы полуживых из Чёрной зоны о болезни зрения. Неизлечимом проклятии всех ржавых крыс, копающихся в заражённом мусоре. Снизу, на краю зрения, из-под обода колодца за ним наблюдала толпа смеющихся огоньков.

“Тут нет заражения. Просто ты позволил своей голове открыться и гниль с пустыря с удовольствием пришла в гости. Играет с твоей памятью, как неразумное дитя. Даже не думает, что может что-то сломать.” – хрипело в голове воспоминание. Троп даже слышал знакомые металлические клацанья, повсюду сопровождающие Огюста.

– Знаю. – ответил он сквозь зубы, заставил себя посмотреть вперёд и медленно пошёл.

“Дашь страху сковать себя — тебе конец. Позволишь себе поверить в страдания, которые тебе тут рисуют — они станут реальными.” – продолжало воспоминание.

– Знаю.

Он шёл и длинная тень, которую отбрасывали два тела, его и оленя, казалось доходила до самого конца. Стенки колодца медленно но неумолимо расширялись, внушая лживое ощущение, что Троп только отдалялся от цели. Из глубины черепной коробки послышался отвратительный треск древнего устройства, кричащего о губительном заражении, сулящем тошноту, кровь, волдыри, ожоги и смерть. Левую ногу резко обдало жаром, и парень склонился вправо, припав на колено. Отпустило.

“Злая шутка наших друзей. Тебя опалил синий огонёк. Такими темпами далеко ты не уйдёшь.”

Он и сам понимал это. Ловил ртом воздух, стараясь надышаться на неделю вперёд, и всматривался в свою длинную, как тёмная дорога, тень. Сквозь шум в голове он слышал далёкий женский крик впереди. Над оранжевой травой, словно отделяясь, отпочковываясь от колодца, начали появляться другие тени. Безликие стражи бродили у тёмной дороги, с любопытством поглядывая на гостя.

“Конечно. Этот пустырь видел смерть. И забрал чужую память себе.”

Отголоски чужих жизней медленно шли к нему по обе стороны от его собственной тени. Огибая синие огни, они ковыляли походкой калек, подтягивали сломанные ноги, сгибали спину под тяжестью груза прошедших лишений.

“Что же, если я умираю, можно воспользоваться хотя бы этим. Не впервой разговаривать с мёртвыми.”

Рослая тень приблизилась на расстояние вытянутой руки.

– Мы почуяли запах отчаяния умирающего. Но ты не умираешь, охотник. А твоя добыча уже мертва.

Глухой голос тени, словно Тропа и его собеседника разделяла толща травянистой земли. Или это было полотно минувших лет?

"Я не умираю, но мой разум откалывает по кусочку эта ловушка. Не знал, что такие тут есть."

– Конечно есть. Хотя даже Огюст о них не знал. Мы тоже не знали, пока не умерли.

"Ты знал Огюста?"

– Я умер за него, молодой охотник. Как и некоторые из нас. Другие умерли ещё до того, как он поселился в этом месте, сменившем несколько имён. Они тебе ничего не скажут.

"Я не хочу умереть тут."

– Почему нет? Кто ты такой, чтобы желать лучшей смерти? Каждый твой вдох вызывает у нас острую зависть. Каждый твой выдох отравляет нашу могилу.

"Меня назвали Троп. Я родился посреди леса без имени и жил питаясь тварями, названия которых не знал, пока мне не рассказал Огюст. У меня нет прошлого, которое можно отдать этому пугатьрю. Мне нужно будущее, чтобы сложить из него свою память."

По тени прошла рябь, либо от внезапного порыва ветра, либо от терзающих сомнений.

– Не ты виноват, что твоя память душит твоё тело. Твой мёртвый попутчик отравляет нашу могилу своей волей. Она угадала, но долина взывает к тлеющим углям и вытягивает из них всё тепло. Добыча тебе не по зубам, охотник Троп.

"Провались к Востоку в задницу этот мой попутчик с его волей."

– Не проклинай его так. Он пожертвовал собой ради тебя. Если бы чёрный с алым зверь мог ещё сильнее облегчить твою ношу — он бы сделал это.

"С чего бы мёртвому оленю помогать мне? Считай я его убийца."

– Я могу ответить тебе, если любопытство дороже жизни. Или же убирайся отсюда в неведении. Мёртвые никогда и ничего не дают просто так, и никогда не оставляют без выбора.

Троп ухмыльнулся и закашлялся. Он почувствовал, как из носа потекла струйка крови оставляя металлический привкус на губах.

"Тогда выведи меня отсюда. Я найду ответы без вас."

Тени невидимо улыбались ему, как последние негодяи, как головорезы, выбравшие в сытое время развлечение вместо наживы.

– Идём, Троп... из безымянного леса. Моё имя Филин из Лакосты, запомни его. Живые должны бережно хранить в памяти имена мёртвых и ещё бережнее хранить имена своих спасителей.

Парень почувствовал, как его подхватили под руки. Его тень стала едва заметно шире. Голоса за толщей земли заполнили голову. Шёпот в траве затерялся среди шороха и топота ног вокруг. Он слышал грубые переговоры теней. Будничным тоном мертвецы говорили обо всем подряд. Всё оставшееся расстояние его словно протянули через далёкое воспоминание, через отрывок старой песни с изношенной кассеты.

“... через пару дней, как только непогода пройдёт – мы выйдем дальше. А пока заткнулись и сделали рожи попроще.”

“...я уже три раза его чинил, нет, больше не буду. С твоими кривыми руками только гвозди кривить.”

“...да и пошёл он в жопу! Может этими пайками подавиться или подтираться или облеваться или... че хочет пусть делает с ними... Да и вообще...”

“...мы выходим из-за дерева и Танги Вонючка бросает в него арматуру, как сраный копейщик. Прямо в сердце!”

“...нет, хоть за три дозы, хоть за пять — не буду я чинить и всё, отвали уже.”

“...группами по четыре. Мы будем сидеть тут, а вы спрячетесь в холмах. Сигнал я дам. Запомните...”

“..ну ты Танги зверь! Пить бы тебе поменьше только.”

“...и ему тоже передай, чтобы он мне своё барахло больше не приносил. Учитесь бережливости, скоты. Бе-ре-жли-во-сти я сказал!”

Его вывалили на землю, как ширпотребный трофей. Шероховатые куски асфальта казались самым приятным ощущением на свете. Троп слышал, как за спиной, смеясь и весело переговариваясь, отступает ватага теней. Их голоса, переключка воронья, наслаивались друг на друга, постепенно становились всё глуше и глуше. В конце концов от них осталось одно лишь эхо, а через несколько секунд пропало и оно.

Тишина. Прямо как ночью после вечернего дождя.

– Троп! Ты живой?! – взволнованный, добрый голос. Парню потребовалось заметное усилие, чтобы прийти в себя и осознать слова. И ещё большие усилия, чтобы ответить.

– Я жив... Спускайся. – голос его был хриплым и сухим.

Стук башмаков на мягкой подошве по деревянной лестнице. Их хозяйка не планировала копаться в обгорелых кратерах и тащиться по пустырю. Думая об этом, Троп добавил про себя, что это бы её взбодрило. Он вспомнил ощущение приятной влаги, когда босые ноги собирали росу и спохватился. С кряхтением он согнулся боком и посмотрел на свои ноги. Грязные обитые сапоги из грубой кожи.

– Гадство... – пробормотал он, и снова расслабился, даже не пытаясь встать.

Гри спустилась на землю позади него, башмаки пошаркали по траве и асфальту несколько раз пока она разминала ноги. А после этого тишина вернулась. Девушка расслабленно стояла над Тропом. На лице не было улыбки, но она смотрела на лежащего напарника с мягкой надменностью, если не сказать фамильярностью. С таким удовлетворением, присущим тем, кто смотрит на спящего ребёнка.

– Поможешь мне встать? Или тебе так нравится вид... – он не успел договорить свою колкость, как получил ответ.

– Да, тащусь от вида полуживых уставших людей с мёртвой тушей на спине. – сказала она, подошла и потянула Тропа за плечи, помогая подняться. – Ты выглядел так, словно хотел полежать мордой в земле подольше.

Троп поднялся и рефлекторно отряхнулся. Не то чтобы в этом был смысл — слой пепла и грязи только размазало по одежде. Парень медленно пошёл вдоль стены. Гри шла рядом, бросая любопытствующий взгляд на округу. Когда они начали отходить, она спохватилась и подтянула складную лестницу, высвобождая её от крюков, стащила вниз и понесла за собой, догоняя парня.

– Я видела тени. Только несколько. Уже собиралась стрелять, но заметила, как благородные неживые помогают тебе выбраться. Не знала, что ты так продуктивно умеешь вести дела на языке мёртвых.

– А то, что они тут вообще водятся ты знала? – спросил он, уже зная ответ.

– Нет конечно. И старик про это ничего не говорил, иначе бы уже приспособил свои механизмы к этому.

Они обошли здание с левой стороны. Лес, не желая портить сюрприз, ударил Тропу в нос знакомыми запахами, только когда показался во всей красе за дорогой. Всё ещё собираясь с мыслями после жуткой прогулки, охотник подумал, что не удивился бы, если бы и лес внезапно пропал, позволив забыть о себе. Глупая мысль. Впрочем, только такие сейчас в голову и лезли.

– Приспособил? Да. Он бы задвинул это как рекламу некоторым гостям, снимал бы с них по пять юргов за разговоры с призраками. Ну... точнее за попытки поговорить с ними. – Троп проворчал это с типичной для себя издёвкой в голосе, пока они подходили к главному и единственному наземному входу в постоялый двор.

Девушка весело и протяжно хмыкнула:

– Это было бы крайне забавно. Хотя думаю его эта новость не обрадует. Нет. Такое соседство ему очень не понравится.

Они встали перед входом. Большая часть этой стены была обита проржавелым железом, под которым проглядывалась кирпичная кладка. Стена выглядела неприветливо, ненадёжно, да и просто некрасиво. Над этим архитектурным коллажем стоял второй этаж из старого жидкого камня, с его маленькими сощуренными глазками-окнами, пристально следящими за лесным массивом. Ещё выше жидкий камень резко менял цвет на более светлый и чистый. Казалось, словно это здание строили три разные группы архитекторов в разные времена. Крепкие стальные двери без видимой ручки или замка смотрелись на фоне этой стены нелепо. Троп несколько раз представлял себе, что если сильный порыв ветра сметёт или развалит этот безобразный домик, то на месте останутся только двери.

Девушка подошла к ним, и несколько раз ударила кулаком по железу.

– Огюст! Открывай! Мы взяли его!

Мгновенного ответа не было. Обычно старый динамик над дверью прокашливался и отвечал через шипящую какофонию только через секунд пять-десять.

– Кстати, Гри... – задумчиво сказал парень, пока было затишье – Ты знаешь кто такие Танги Вонючка и Филин из Лакосты?

Она повернулась к нему подняв брови. Задумалась и уже было раскрыла рот, чтобы самой спросить что-то в ответ, но уловила причину вопроса и медленно покачала головой.

– Нет, *chasseur*. Ничего о них не знаю. Хорошо подумай прежде, чем спрашивать старика.

Глава 2. "Гептаграф". Часть 1

Когда стальные двери соизволили пропустить их внутрь, взору открылся уже знакомый холл постоянного двора. Неказистая деревянная мебель, холодный бетонный пол. Это была самая просторная комната и единственный зал, за пределами комнат и коридора ведущего к ним, где дозволялось находиться гостям. Но тут редко кто оставался дольше необходимого — помещение было намеренно негостеприимным. Огюст специально спланировал его так. Это была попытка ограничить даже неизбежное присутствие постояльцев там, откуда они могли приблизиться к его личным проектам.

Не каждый мог позволить себе остановиться тут на ночлег, получить необходимую передышку, зализать раны. Несмотря на свой вид, постоянный двор обеспечивал безопасность от внешних угроз, и предоставлял серьёзную медицинскую и психологическую помощь всем гостям. Знания Огюста по части физиологии были неоспоримы. Его лаборатория имела всё необходимое для спасения жизней, хотя и предназначалась не для этого.

Оставалась опасность внутренняя. Старик очень скрупулёзно, если не параноидально, относился к выбору постояльцев. Доверие нельзя было просто купить, и даже добрых дел не хватало, если за гостя некому было поручиться. “Вот тебе пакет с провиантом и иди заночуй в лесу у дороги. Там достаточно безопасно.” – примерно так он отвечал всякому недостойному. Всё это было по нраву немногим подходящим гостям.

На противоположной от входа стене, между двумя деревянными дверями, обитыми железом, были приколочены выструганные из дерева буквы — название постоянного двора. Огюст почему-то считал, что выставлять наименование места снаружи было плохой приметой. Поэтому только находясь в этом неказистом холле можно было прочесть это заветное слово — “Гептаграф”.

Троп слышал несколько историй о происхождении этого названия. Правдивую, разумеется, рассказал сам старик. Он нашёл необычную букву на морзянке, состоящую из семи символов — гептаграф. Криптография и изучение забытых языков были лёгким увлечением старика, — поэтому он начал искать перевод на обизский, — родную речь многих детей пустоши. Однако ничего не нашёл. Зато обнаружил другой перевод, который дал больше вопросов, чем ответов. На языке тускнеющей древности, эта последовательность из семи точек и тире, обозначала один странный и едва ли объяснимый символ, который тем не менее несколько раз, по словам Огюста, он встречал в разных бумажных обрывках. Ни о чем не говорящие огарки, тем не менее, связывали загадочный символ и постоянный двор. Название пришло само собой.

В холле, что удивительно, не было пусто. За круглым деревянным столиком у левой стены, сидела женщина. Тусклый свет старых светодиодных ламп окрашивал помещение в мертвенно-бледный цвет — апофеоз мизантропии Огюста. При этом женщина была в окружении мягкого оранжевого цвета масляной лампы, как хранитель тепла в мире мёртвых. Она читала тетрадь в кожаном переплёте, не обращая внимания на открывшиеся двери, на проходящих мимо работников “Гептаграфа” — Гри и Тропа. Только когда они подошли к двери с железной табличкой ручной работы “Только для персонала”, она подняла на них взгляд и окликнула.

– Вижу охота прошла хорошо. – голос её был сухим и холодным, но в нем отчётливо слышались нотки доброты. Казалось, что любая крупица приветливости и тепла даётся женщине с трудом, но не потому, что она не желает быть приветливой. Скорее холодность прилипла к ней, срослась с нутром и стала неотъемлемой частью.

Троп хотел просто пойти дальше, но его остановила реплика напарницы.

– Так и есть. Оливия, вам что-нибудь нужно? – тон её был приветливым, но немного наигранным.

– Попросите Огюста оставшиеся тетради, он поймёт.

– Ага. Не вопрос. – ответила Гри и отвернулась к напарнику. Троп сразу открыл дверь и три тела, два живых и одно мёртвое, протиснулось в сердце постоянного двора.

За дверью был короткий коридор направо. Там были две двери и лестничная площадка на пути к подвалу. Первая дверь вела на второй этаж, вторая выходила в подсобные помещения, где хранилось много разнообразного хлама и различное оборудование, которому не нашлось места в подвале. Редкие светодиодные лампочки освещали и коридор нейтральной желтизной.

Они спустились вниз, в обитель мрачного гула машин и раздражающего нос запаха химикатов. Лестница была широкой и крутой. С площадки, куда тоже пришлось спускаться на пол этажа вниз, она проваливалась вглубь на добрые десять метров. На этом этаже из стен начали выглядывать и ползти по всем поверхностям ребристые шланги и провода. Свет тут был тусклым. Он сгущал тени от каждой неровности, из которых и состояло это место. Подвал напоминал логово монстра или змеиную нору.

Они шли и к монотонному гулу добавлялись короткие шипящие звуки, как из старой бойлерной с множеством мелких утечек. Коридор был длинный, дверей было с десятков, и каждая из них выглядела по-разному. Какие-то были сплошь стальные, другие были из пластика или углерода, с неестественными яркими цветами. Они явно пережили Великое забвение, и их явно сняли откуда-то ещё. В конце коридора виднелась ржавая гермодверь с двумя небольшими вентилями посередине. Она была болезненно вздутая и выглядела зловеще.

– Странная женщина. Зачем читать писанину старика у входа? – сказал Троп мысли вслух, чтобы просто разбавить тишину.

– Ждала нас, вероятно. – ответила девушка, подходя к толстой стальной двери – Чтобы мы передали её просьбу. Хотя если он позволил ей взять свои работы, то с чего ей опасаться его тревожить?

– Не знаю. Но думаю может сейчас и узнаем.

– Может быть. Да, странная она.

Гри постучала кулаком по двери. Через несколько секунд вентили сами собой прокрутились. Дверь с резким и неприятным визгом открылась, пропуская их в холодное помещение с бледно-синим светом.

Трубки и провода гроздьями свисали со стен и потолка. Манипуляторы странных самодельных механизмов выглядывали из них, как любопытные звери. Стояло несколько холодильников со следами ржавчины; большие железные шкафы, полки с инструментами и высокие столы заслоняли стены там, куда не добрались гофрированные джунгли.

В углу у одного из столов возвышалась, почти до потолка, неровная и нескладная груда под чёрным полотном. Словно мрачный морской риф, вышедший на берег, и уменьшившийся до размеров комнаты. Он угрюмо возвышался над всем вокруг. Из груды торчало три металлических манипулятора в виде лапок гигантского паука. Они были в постоянном движении, то складывались, то выпрямлялись в разные стороны. От этой громадины исходила тихая дисгармония разных звуков: шипение, скрежет, лязганье и клацанье.

Троп и Гри прошли к центру лаборатории. Чёрный риф, с неожиданным проворством, развернулся к ним. Их взору открылась знакомая, но всё ещё внушительная внешность. Полотно оканчивалось с этой стороны, обретая форму толстого балахона с длинными рукавами. Руки исполинского существа были длинными, тощими, и бледными. Они слабо отличались от паучьих манипуляторов. Там, где заканчивался балахон, он уступал место туловищу на котором не было видно ничего, кроме резины, железа и двух рядов паучьих лапок с хватом на конце. Выше их, где-то в недрах труб и пластин, должна была быть шея, а выше её было то, что все привыкли называть “лицом” — железная маска с чёрными окулярами вместо глаз. Сами окуляры выдвигались вперёд, как два объектива фотоаппаратов. Внизу от маски

отходили трубки, которые скрывались в балахоне. Маска, из-за многочисленных надстроек и подтачиваний, пестрила неровностями, как с трудом отколотый камень.

– Огюст. Наш добрый скрад добычей был окончен. – улыбаясь Гри процитировала фразу из Ордена Егерей.

– Вы задержались. – хриплый въедливый голос. Вечно утрамбованный за толщиной резины и железа, вечно поскрипывающий металлом и вечно глухой, усталый и флегматичный. – Я слышал два выстрела. Либо вы промахнулись, в чём я, даже при вашей безалаберности, сомневаюсь, либо возникли проблемы.

– Это правда... – подал голос Троп.

– Оправдания оставьте на потом. Выкладывайте нашего друга. – тощая рука потянулась и указала на широкий операционный стол в центре комнаты.

Троп ослабил веревку на одном плече, размотал узел на груди и вывалил тушу мертвого оленя. Вместе с Гри они начали было высвобождать его из веревок, но резкий старческий голос прервал их:

– Оставьте. Дальше я сам. А вы пока пойдите и вытрите пол и землю до самой травы от крови. Вы хоть заметили, что эта полоса тянулась за вами всё это время?

Глава 3. Две недели назад

Две недели назад Троп стоял в захламленной комнате первого этажа, ожидая волну укор и упреков за сорванную охоту. Старик Огюст расхаживал туда-сюда между книжных полок и ящиков со всякой всячиной сомнительной полезности. Вещи эти, как правило, никогда не пригождались. Но стоило срочному делу потребовать, например: старый мультитул для станков, набор игл для швейной машинки или запасную пачку копирки, то, как по нерушимому правилу, эти завсегдагаи свалок пропадали. Разумеется, перевернув всё вверх дном, их находили в самую последнюю очередь. Конечно, старик проводил инвентаризацию и лично следил за ней. Конечно, это не помогало. Бессменные работники “Гептаграфа” только радовались, что Огюст ворчал после этого буднично и беззлобно.

Сейчас хлам был не нужен, и старый исполин прохаживался с открытой книгой в руке. Ещё парочку держали его нагрудные манипуляторы. Звук налаженной механики и работающих сервоприводов под балахоном старика, его грузные и гулкие шаги на культях обитых резиной, неровное дыхание через систему фильтров — полу механическая образина полностью заполнила комнату своими звуками.

Троп скучающе посмотрел на стол рядом, где высились стопки глянцевої бумаги. Это была коллекция “сообщений из прошлого”. То очень немногое, что сохранилось после Великого забвения. Почти все книги из старого мира были бесполезным хламом. Ни у кого не получалось составить полноценный язык из этих загадочных слов. Те, кто достаточно приближался к разгадке, сходили с ума, или внезапно теряли все свои записи. После этого, горе-исследователи сходили с ума уже по объективной причине. Некоторые называли это мнемонической аномалией; другие сетовали на слабость духа и ума; третьи решили, что это Восток и Запад наслали Проклятие Забвения, и не позволяют современникам продраться дальше нескольких сотен слов. Ибо приведёт это к повторению конца.

Самыми ценными были книги с картинками. Оттуда люди могли получить бесценные крупницы — целые слова, которые иногда с очень высоким шансом можно было интерпретировать правильно. Альманахи художественных работ, брошюры и каталоги были особенно ценными, и, как назло, сохранялись хуже всего и встречались крайне редко. И хотя люди быстро забывали многое из того, что было открыто — книги кое-как хранятся как священные писания, ожидая того, кто сможет вместить в себя язык старого мира.

Огюст собирал ещё один ценный вид лингвистической информации — плакаты и постеры. “Сообщения из прошлого” с парой слов и подробной иллюстрацией к ней. Минусом сообщений было то, что городские мудрецы несколько раз подтверждали излишнюю образность в этих реликтовых кусках глянцевої бумаги. Значение текста, которое было дано на основании изображения, позднее опровергалось другим источником. Вкупе с любовью источников теряться и забываться, постеры посчитали слишком нестабильными. Но старику было плевать. Заскорузлый и педантичный, он, тем не менее, позволял себе маленькие слабости. Он называл плакаты “объективно красивыми”, “артистическими” и, о ужас, “наполненными живой информацией”.

Ворвавшийся в комнату сквозняк, крайне редкий гость постоянного двора, пошевелил стопку постеров, словно та тихонько подманивала Тропа взглянуть поближе. Он сто раз уже видел всё, что там было, но всё равно сделал шаг в её сторону, коснулся верхнего листа.

Белое полотно с кроваво-красной неровной бороздой. Немного мелкого текста, который обычно означал чьи-то имена. Именно с таких мест их и берут для крещения детей в городах. Крупная надпись по центру: Caché. На редкость загадочный экземпляр. Когда они с Гри и Ржавчиной нашли этот постер, то Ржавчина предлагал самые банальные варианты: шрам, кровь, рана, порез, царапина, и так далее. Старик не принял ничего из этого. Единолично он

решил, что загадочное *Caché* останется без перевода. Но постер им нравился, как и само слово. Было в этом слове что-то неуловимо приятное.

Троп снял со стопки лист и улыбнулся бородатому мужчине с дозабвенной винтовкой в руках. Вокруг был лес, за спиной рюкзак. Сам человек выглядел собранно и был одет в кожаную куртку, очень похожую на ту старую рвань, которую находят в руинах. Большими белыми буквами внизу было написано: “Le chasseur”.

Они спорили о значении целую неделю. *Le* — ни у кого не вызывало вопросов. По иронии то, что это артикль, все запомнили хорошо. А вот второе слово сменило множество значений за те семь дней: стрелок, убийца, снайпер, солдат, и так далее. Троп долго упорствовал на слове “охотник”. Гри относилась со скептицизмом — не было видно, что он охотится, да и сам как-то больше был одет как бандит. Ржавчина и Огюст просто не решались отдать чему-либо предпочтение. Однажды, во время очередного спора, когда выбор шел уже между “охотником”, “охотником за головами” и “наемным убийцей”, Троп сказал: “Нет! Не может это быть убийца. Ну с чего ему быть в лесу? Да и...”

“Что и?” — с лукавым интересом спросила Гри.

“Лицо у него какое-то доброе. Не будет такой выживать за счет убийства людей.” — внезапно ответил парень и удивился своим собственным словам. Девушка хохотнула и проворковала положив руку на плечо: “Сколько доброты в тебе проросло. Очень умилительно, Троп, правда. Будь по твоему. У тебя тоже доброе лицо, поэтому теперь оба будете *chasseur*.” Он хотел было огрызнуться и возразить, но Огюст внезапно согласился с Гри и, как это очень часто бывает, категорично закрыл спор. А потом подписал перевод постера с обратной стороны.

— Ну что же. Давай разберемся с этим быстро. — раздалось откуда-то из другого мира глухое бормотание. Троп моргнул несколько раз и поднял глаза на старика, который присматривался к нему, сузив глаза-объективы. В ответ охотнику оставалось только пожать плечами, поэтому Огюст продолжил:

— Начнем с очевидного конца: Результат — неудовлетворительный. Но это тебе и так понятно. Полезнее будет разобраться с предпосылками. — В голосе старика маячила отстраненность, даже некоторая небрежность, которую парень не наблюдал у него уже давно — Во-первых ты пошел на охоту считай сразу с постели. Ещё и приготовил себе завтрак на открытом огне. Комфорт тебя ослабил достаточно, чтобы ты забыл о запахах пота и дыма, которыми пропитался, но не привил тебе полезную привычку принимать душ. Особенно перед тем, как отправится к существу с чутким обонянием. Во-вторых, ты поддался на провокации нашей коллеги и взял с собой винтовку и нож для разделки. Ты стал более хладнокровным и метким, но не хорошим стрелком. И ты решил доказать свои несуществующие навыки делом. Исход, как я понимаю, закономерный. Практика это важно и полезно, но на задании нужно опираться на свои сильные стороны. Метать топоры у тебя получается хорошо, стрелять из лука тоже. То, что “в-третьих” ты придумашь сам. Как сам умеешь и как тебя учили: воссоздай в своей голове финальную сцену и найди ошибки. Меня там не было, так что тут тебе придется отчитывать самого себя. Гордость побереги для побед. Итог, по-моему, крайне закономерный, мой мальчик.

Троп с наигранной досадой глубоко кивнул. Он ожидал лекции подольше и похуже, так что жаловаться, ругаться и, тем более оправдываться, не хотелось. Огюсту такое раскаяние показалось достаточным, и он кивнул в ответ. Балахон старика заметно зашевелился и немного натянулся от напирющей толщи полу механического тела под ним.

— Теперь к другому делу. — одна из железных конечностей вытащила закладку из книги и положила на стол. Молодой охотник подошел к ней и прищурился. Закладкой оказалась цветная фотография. Окружение было очень размытым, словно снимок сделали под водой, но всё равно легко угадывался их пустырь. Несколько синих огней расплылись в округлые жуткие

глаза. На переднем плане — отчетливая фигура оленя чёрного окраса с алыми полосами-молниями исходящими со спины. Фиолетовые прожекторы на месте глаз.

– Странная олениха. – пробормотал Троп, взял фотографию и присмотрелся опытным взглядом зверолова пытаясь припомнить других, подобных этому зверю. Из под маски Огюста послышалось странное смешливое цоканье.

– Не олениха. Это самец. На фотографии не разглядеть, но у него обломаны рога и сам он больше, чем его лесные кузены.

– Пусть так. И что? Он опасный? Или он ценный?

– Опасным для поимки быть не должен. Что до ценности... скажем так, если его потроха и шкура чего-то стоят — это будет приятным бонусом к главной ценности, которую этот зверь может нам дать. – голос Огюста был спокойным, даже веселым, но слова он выбирал с ещё большей, чем обычно, тщательностью.

Троп напрягся, посмотрел на исполина подняв брови. “Опасен не для поимки? А в чем ещё может быть опасность? Он отравлен? За ним уже идет охота? Или его охраняют какие-то сумасшедшие волхвы?”

– А основная ценность — это информация. – сказал парень, и положил фотографию обратно на стол.

– В том числе. – ответил Огюст самым невинным голосом, на который был способен его, модифицированный искусственной дыхательной системой, речевой аппарат.

Парень тяжело вздохнул, сделал шаг назад и присел на стол с бумагами позади. Руки скрещены, на лице проступила туповатая кислая мина человека, которого застали врасплох.

– Это какой-то лютый реликт, я правильно понял? От него наверно фонило сверхъестественным за километр. – он сказал это смотря в пустоту и прикидывая предстоящую охоту.

– Вроде того. Считай это живой реликт третьего класса. Нет, от него не исходило ничего паранатурального за пределами небольших отклонений от нормы, которые даже для реликтов второго класса являются дешевыми фокусами. У меня была давняя информация о его... существовании, но вживую я его увидел впервые. Можешь считать его не реликтом третьего класса, а просто мифическим зверем. Крайне редкой мутацией. находка для егерей, из которой они складывают свои музыкальные композиции.

– Ага. Допустим. Значит у меня появилась возможность поохотиться на своего Зеленого царя? – с легкой иронией сказал Троп, имея в виду старую балладу о короле, который неделю преследовал загадочного зеленого оленя с изумрудными рогами.

– Нет, по объективным причинам это будет совсем не похоже на балладу. – вкрадчиво ответил старик и снова начал медленно расхаживать по комнате – Ты не тянешь на монарха, даже близко. К нему едва ли можно подкрасться, а значит его нужно застрелить. Так что ты будешь помогать Гри. Не смотри на меня так, мой мальчик. Будь это даже просто реликт третьего класса, я бы позволил тебе снова убедиться в своей некомпетентности касательно огнестрельного оружия. Но это очень, я повторяю, очень важно. Не могу пока посвятить вас обоим в детали, но поверьте — я ждал этой возможности долгие годы. Считай это своим экзаменом, после которого мы сможем поговорить о твоей свободе.

– Ты это всё серьезно? – Троп обомлел слегка приоткрыв рот. Руки опустились, и он оперся ими о стол. Казалось что без этого он упадет лицом в бетонный пол.

– Хорошо, что ты осознаешь важность предстоящего задания. – не меняя тона спокойно продолжил старик – У меня есть крайне надежные данные о его миграционном паттерне. С Гри я ещё не говорил, но она, разумеется, тоже не откажется. К тому же ей достанется только простая часть — убийство. Вы будете дежурить с полуночи до полудня на крыше, следить за пустырем. Наш олень должен будет там появиться снова через неделю, но может и раньше, может позже. Рисковать нельзя. Как увидите его и будете готовы — застрелите. Не зовите меня. Но и не спешите. По моим данным времени у вас будет в достатке. После убийства ты

спустишься в пустырь и притаишь мне нашего чёрно-алого царя. Предупреждаю: это может быть сложнее, чем обычно. Так что перед сменой не наедайтесь.

Вкрадчивый голос Огюста размывался в голове, как приливная волна на берегу. Парень внимательно ухватывал каждое слово, но чувство нереальности происходящего слишком сильно расслабило его, подтолкнуло к мелькающим в голове глупым вопросам.

– А что если он не умрет? Или Гри промахнется?

– Нестрашно. У меня есть очень реалистичное подозрение, что у вас будет больше одной попытки. А вот если потерять на пустыре труп — это будет катастрофа. Поэтому туда идешь именно ты. На тебе самая ответственная работа, мой мальчик.

И Троп не мог понять какой части ответа он удивился больше.

Глава 4. "Гептаграф". Часть 2

Троп и Гри возвращались в постоянный двор с тряпками и ведрами серой воды. Оттирая кровь от асфальта, они собрали во много раз больше пыли и пепла. Далекие катастрофы или внезапно поднявшиеся смерчи поднимали в воздух огромные облака сажи. Эти облака, подгоняемые ветром, постепенно утончались и рассеивались по всей округе, покрывая деревья серыми шапками и приликая к одежде. Это продолжалось уже два дня и, если верить прогнозу Огюста, будет продолжаться ещё столько же.

Дежуря предыдущей ночью на крыше, напарники часами рассуждали о причинах пепельного дождя. Банальные и скучные версии вроде смерчей, заботливо стряхнувших пепелище с руин, они не принимали в счет. Не было в этом никакой романтики и простора для воображения. А вот взрыв в газодобывающих скважинах Братьев Гробов, или в ресурсном комплексе "Стражей порядка", или, не дай Запад и Восток, в Угольном городе, сулил интересные новости. Они рассуждали сколько там могло быть жертв, послужили ли причиной саботаж, а может мятеж, или недосмотр бригад по безопасности. Через сколько дней к ним хлынут беженцы, если это бедствие из Угольного города, или беглые каторжане, если это случилось у "Стражей порядка". Все эти разговоры немного гасили раздражение от необходимости постоянно чистить одежду и подметать крышу.

Грязную воду они вылили в лес. Гремя ведрами они вошли в "Гептаграф" и услышали, как им в спину динамик, изрыгая помехи, сообщает, чтобы они подождали в холле.

Делать нечего, кроме как пройти за прямоугольный железный стол, со скрипом отодвинуть стулья и рассесться. Троп свел ладони вместе, прижал к лицу. В нос ударил щелочной запах мыла. Парень посмотрел на Гри, которая только сейчас стянула с себя плащ и это напомнило ему, что ему тоже жарко. Под плащом у девушки была практически бессменная бежевая рубашка из войлока с замысловатыми узорами. Под туникой парня была только толстая майка с жутковатыми черно-белыми полосами, словно охотник пытался замаскироваться среди древних кораблей с фотографий.

Не успел Троп положить на стол свернутую тунику, как к ним подседа старая женщина с тетрадь. Гри посмотрела на неё и слегка поморщилась.

– Ох. Оливия, простите. Мы совсем забыли сказать по поводу тетрадей. Он сразу загрузил нас. – сказала она.

– Очень в его духе. – с легким смешком ответила женщина – И теперь вы тут сидите, ждете пока он закончит колдовать над бедным животным.

– Верно. – расслабленно произнес Троп – Хотя не думаю, что бедному животному теперь есть дело до этого.

Оливия с улыбкой кивнула, и достала из кармана небольшой белый кисет. Она вынула самокрутку и закурила, выудив из другого кармана старенькую пластиковую зажигалку. Напарники удивленно переглянулись. Женщина, тем временем, извлекла пальцами ещё одну.

– Будете?

Троп не переставая удивляться мотнул головой, а Гри, пожав плечами, переняла самокрутку из рук, засунула в рот, и подкурила у протянутой зажигалки.

– Старик не разрешает тут курить. – озвучила она свое смущение, выдувая струю дыма. – Он очень щепетильный в отношении своей норы. Видимо щепетильность к важным гостям у него всё-таки сильнее.

– Да, он такой. Но если уж он сам меня пригласил, то пусть мирится с моими привычками. – сказала Оливия, вальяжно выпрямляя ноги под столом. – Многие уважают его за это. За умение расставлять приоритеты. Конечно, я в их числе.

– ОН позвал ВАС? – удивление Тропа переросло в замешательство. Он взглянул на женщину по-новому, сразу попытался вспомнить о ней что-нибудь кроме имени. – Вы ведь из Угольного города, да? – Из Отряда “Общества защиты от Обыденного”, если точнее. В последние недели Угольный город нажил себе новых врагов. Не будь вы Огюстовыми белками, я бы ни за что не рассказала вам это.

Напарники слова переглянулись.

– Новых врагов? Сейчас в Угольном городе опасно? – спросил Троп, стараясь скрыть беспокойство за любопытством. – Дикари Алого Ока распоясались. Наш доблестный ипат, да будет его железо крепким, повел милитов на восток. И те вырезали всю дикарскую деревню под землей. Тем это крайне не понравилось. Теперь их партизаны нападают на заставы. А ещё, говорят, они прокрадываются ночью в город и воруют детей.

– Жутко. – флегматично вставила Гри, крепко затянулась самокруткой, и после вдоха, продолжила, выдыхая дым с каждым словом – Представляю чего им стоило организовать эту партизанскую войну.

Оливия слабо улыбнулась, наблюдая за парнем с хитрым прищуром. В её глазах блеснул огонек интереса, причину которого Троп не мог понять.

– Клеветники говорят, что в той дыре почти не было воинов. Одни женщины, дети и старики. Честь, конечно, не самый ходовой товар, но сердитые дикари очень хорошо показали его ценность.

– И вы в это верите? В то, что милиты поубивали чужих детей? – Гри сказала это с ноткой недоверия. Обычно к бедствиям и несправедливым смертям она относилась со здоровым цинизмом, но сейчас, кажется, это волновало её сильнее, чем она готова была признать.

– Верю. У меня есть надежный источник. Один из двух фараонов, что командовали облавой.

Неприятный металлический писк разнесся по холлу. Из динамика раздался голос Огюста:

– Троп, Гри. Всё готово. Идите к нам.

Динамик затих, Оливия хмыкнула и, почти синхронно с девушкой, затушила окурок о стол.

– “К нам”. – с издевкой сказал Троп поднимаясь с места. – Старик на этом олене помешался.

Они вдвоем пошли к двери с железной табличкой друг за другом, стараясь не выдавать свое нетерпение поспешностью.

– Удачи вам, дети. – прикрикнула Оливия им вслед, когда толстая дверь уже закрывалась за напарниками.

Коридор, лампы, лестница, провода, логово механического зверя, гул машин перебиваемый звоном ведер.

– Думаешь Ржавчина в опасности? – спросил Троп поглядывая на девушку, пока они шли по коридору.

– Нет, эта крыса слишком хорошо умеет выживать. Я переживаю, как бы этот налет на дикарей не был связан с ним.

Парень посмотрел на Гри с нескрываемым удивлением и неверием:

– Представь: Ржавчина сбывает информацию про деревню стариков и детей какому-нибудь фараону, и на его руках кровь целого поселения. Обычных жителей. Он бы на это не пошел.

– Он мог не знать. – тихо сказала Гри уже перед самой дверью.

– Тебе напомнить про кого мы говорим?

– Ладно. – девушка слабо улыбнулась посмотрев на Тропа – Ты прав. В любом случае лучше об этом не думать.

– К тому же у меня есть чувство, что мы сами сможем скоро у него всё выведать. – в голосе парня добавилось столько заговорщицкого ехидства, что он практически промурлыкал эту фразу.

Гри уже открыла рот, но потом задумалась и, через несколько секунд согласно кивнула. В последнее время слишком много вещей крутилось вокруг Угольного города. Ржавчина отправился туда ещё до того, как Огюст нашел оленя, но после этого сразу передал ему весточку. Ещё и эта загадочная подруга старика из “Защиты от Обыденного”. Троп думал, что если по заданию его отправят к ним в штаб, то за это можно потерпеть и нудный путь в город, и опасности в округе от него.

Дверь в лабораторию резко открылась перед ними.

– Давайте быстрее. Ведро оставьте в углу. – раздался металлический голос изнутри.

Мёртвого короля было не узнать. Огюст уже снял с него шкуру, препарировал внутренности и достал деформированную пулю, которая сейчас лежала в небольшой миске рядом. Кровь стекала с операционного стола и скапливалась внизу. Ручьями толстым слоем текли в решетчатый водосток в полу. Голова была неестественно вывернута и вытянута, словно зверь пытался помочь хирургу и изворачивался для его удобства.

– Гри,ними перчатки и возьми лабораторные. Троп, ты свои тоженими, но ничего не надевай. Подойди к его спине.

Парень встал со спины оленя. У головы стоял Огюст, нависая над трупом, как живой станок. Бескожее, воняющее кровью и чем-то гнилостным, тело освещалось миниатюрными фонариками у маски старика.

– Гри. Возьми его за все четыре лапы. Натяни немного на себя и крепко держи. – сказал Огюст подошедшей девушке, которая с раздражением поправляла перчатки. Услышав эту, скорее просьбу, чем приказ, она осторожно обхватила двумя руками лапы до копыт и приподняла их потягивая на себя.

– Хорошо. Троп. Руку. Вытяни над сердцем.

– Так я и думал. – пробурчал догадливый охотник, но руку вытянул – Опять ты записался в гаруспики.

– Я из них и не выписывался. А теперь заткнись. Пока мы не закончим, не произносите ни слова. – резко ответил старик и так же резко вытянул вперёд одну из больших паучьих конечностей за своей спиной к ладони парня.

Острие механической лапы блестело, как рыболовный гарпун. Лезвие полоснуло внутреннюю сторону ладони, быстро, глубоко. Троп стиснул зубы. Запоздалый вопрос на тему того, почему именно ему надо отдавать кровь, задавать было уже некогда.

Кровь стекала прямо в разрезанное нутро зверя, обливала уже подсушенное и развалившееся, от попадания пули, сердце.

– Страж долины забвения, курьер иссушенной памяти и истлевших знаний! Мы благодарны тебе за каждый след на дороге, что ты оставил. Мы благодарны тебе за все невзгоды, что ты перенёс. Мы благодарны твоей жизни за то, что она теплилась в тебе всё это время. Мы благодарны твоей смертности за то, что мы смогли прикоснуться к тебе. Пусть тебя напитает знакомая кровь. Пусть тебя напитает знание предков и нежданная любовь.

Голос старика, необычайно торжественный и при этом грубый, разливался по лаборатории, резонировал от стен и застревал в черепной коробке. Троп почувствовал, как его глаза налились свинцом, прикрыл их на мгновение и уже не нашел в себе сил открыть. Его руки коснулся маленький механический манипулятор Огюста и бережно склонил вниз, заставив прикоснуться всей окровавленной ладонью к остаткам оленьего сердца.

Перед глазами начали появляться разноцветные волны, разводы, подобно масляной луже под дождем. Цвета хаотично сплетались друг с другом, смешивали краски, добавляли вкрапления ко всё новым и новым узорам. Сначала они были бессмысленны, потом расплывались в радужные образы, похожие на те, что показывал ему старик, проводя известные ему одному испытания над разумом Тропа.

Молодой охотник видел стаю нетопырей, гигантского филина с окровавленными когтями, мутантов-аббераций ползущих среди древних руин, людей в свете болотных огней, старое ружье закутанное в медвежью шкуру. Город без единой крыши, ночь с двумя лунами, день без солнца, ожившее облако в виде кавалькады тяжелой кавалерии. Кричащее лицо безглазого мертвеца. Дерево, тянущее ветви для крепкого объятия. Все эти картины были знакомы ему, но он не помнил и половины событий, которые заставили его увидеть и запомнить эти образы.

“Поклянись раздавленным Востоком и отравленным Западом. Поклянись, что покажешь ему то, что скрывал десять зим. Пожертвуй своей плотью и его забвением. Ты стал никем, ты упал на дно могильной ямы, в которой истлеет любая веревка и сломается любая лестница. Ты посвятил себя обреченности. Посвяти нас правде.” – голос Огюста раздавался откуда-то из другой жизни. Казалось что всё, что видел молодой охотник перед собой, происходило в непримиримом “здесь и сейчас”, а старик вещал из далекого прошлого. Недостижимого и бесполезного.

Картина перед его глазами начала рябить сильнее, сложилась в целую панораму места без единого дерева, без единой травинки. Только бежевый песок и безоблачное небо. Тропа понесло между барханов со скоростью, от которой на глаза наворачивались слезы, хотя он не чувствовал ветра, не чувствовал что тут вообще есть воздух. Он замедлился только когда между дюн засверкали серебряные арки. Они обрамляли каменные стены древнего дворца или покинутого храма. Всё так занесло песком, что несколько монолитных бежевых структур можно было принять за что угодно, но парень знал — это храм. Он влетел через арку в темноту, прошмыгнул между каменных статуй, по узким коридорам, через высокие, как в их постоялом дворе, дверные проемы. Впереди замаячил тусклый свет и, когда неведомая сила подвела его ближе, Троп понял, что это масляная лампа на столе.

“Ты помнишь? Нет. Ты не можешь этого помнить. Такова воля этого мира. Но ты видишь, а значит ещё способен прозреть.” – голос раздавался с противоположной стороны стола, хотя Троп был уверен, что там, даже в непроглядной темноте, никого нет.

– Для чего я здесь? – просто спросил парень, потому что не знал, что ещё можно сказать.

“Потому что ты нужен нам. Мы делаем то, что не может никто другой. И в нашей истории мы забыли, что тоже люди. А люди смертны. И потому мы пожинали тяжбы, пока могли их выносить, а после засеяли поле возможностями продолжить наш труд дальше. И довести до конца. К счастью, для тебя, не забывшего как смотреть в бездну вечности и не полюбившего суть познания, работы осталось немного. Хотя та воля, что заставила нас растратить все силы ума и тела, всё ещё может погубить тебя. Это будет тяжело, потому что не может быть по-другому.”

– Я не хочу умирать непонятно ради кого и непонятно за что.

“Не волнуйся. Я верю что со временем до тебя дойдет важность нашего кредо. К тому же... За каждую работу полагается награда. И наше дело не исключение. Ты получишь своё. Что-то сейчас, что-то немного позднее. Я не безумец и понимаю, что для этого ремесла у тебя нет инструментов. Ты их получишь. В конце концов как бы я мог обделить собственного сына.” – последнюю фразу великое ничто по ту сторону стола произнесло с теплотой и усмешкой.

Троп ничего не ответил, его разум парализовало и он стал тягучим как мазут. Каждую мысль приходилось вытаскивать с невероятным усилием. И даже эти мысли были бесполезны. Всё, что маячило в голове, резонировало громогласным эхом: “Отец. Отец. Отец.”

Молодому охотнику стоило невероятных усилий выдать из себя хотя бы пару слов:

– Значит ты умер?

“Конечно, мой fils. Всё, что от меня осталось, добил твой друг. Эхо моей души годами набирало силу и знания, чтобы передать тебе. Я знал, что у тебя всё получится. Ты стал сильным, опытным. Слабый не смог бы нести это бремя. Твой друг убил последний живой лоскут оставшийся от меня. Не знаю как твой дедушка это сделал, но он поступил правильно, лишив тебя греха отцеубийства.”

Это всё было правдой. Троп чувствовал это. Холод мертвеца за толщей земли, через которую лишь немногие живые могли бы почувствовать легкий порыв нежности в голосе тени, оставшейся от человека.

– Что мне нужно делать?

“У твоего деда остался только один невыполненный долг. Я оставлю на нем ответственность посвятить тебя. Я и так наделил тебя настолько сильным бременем, насколько может наделить мертвый. Всё, что должно было произойти — уже произошло. Сейчас я просто хотел поговорить с сыном. И дать тебе цель. Даже если старик не откроет тебе нашу работу — в конце концов ты узнаешь всё, что тебе нужно.”

– Скажи как тебя зовут. – сказал Троп затаив дыхание. И в этой простой, даже жалобной просьбе, угадывалось ещё с десятков других, которые молодой охотник не способен был высказать.

“Имя. Помни, что имя хоть и обладает силой, но на самом деле не имеет значения. Имя как волос. Он часть человека, пока человек не решает сам безболезненно избавиться от него. Хотя возможно я слишком долго был тенью, для которой сила живых не значит ничего. Вот тебе мое отцовское наставление, Троп из Ониксовой долины: Научись ценить мечты и сны. Но не смей жить ими.”

Троп не нашел, что ответить на это. Слова вгрызались ему в разум так сильно, словно до этого он и не слышал человеческой речи. Он почувствовал, как тьма вокруг распадается на рваные вороньи перья, а за ними проступает бледный свет и серая реальность.

“Меня зовут Нел. Надеюсь это порадует старика. Прощай мой сын. Прощай Троп.”

– Прощай отец. – сказал Троп, и против своей воли открыл глаза.

Глава 5. Люди и дорога

Свет лабораторных ламп бил по глазам острыми спицами. От такой яркости заболела голова, словно спицы проникали дальше в мозг и ворошили извилины. Троп сидел на столе в углу комнаты, пытаясь зажмурится ещё сильнее. Рука была перевязана липким бинтом. Пролитая на одежду кровь уже засохла тёмными пятнами.

Прошло несколько минут с того момента, как он вырвался из видения. Если бы не помощь Гри и старика, то парень развалился бы на полу в кататоническом припадке.

– Как его зовут? – в голосе старика не было раздражения, хотя он повторял свой вопрос уже дюжину раз. Только сейчас молодой охотник обратил внимание, что невнятные металлические вибрации раздражающие слух, это не причуда разума, а вопрошающий голос. Он поднял голову, заставил себя раскрыть глаза и, прищурившись посмотрел в глаза Огюсту. На лице Тропа застыло болезненное кислое выражение. Того и гляди сейчас выплюнет листок болотного щавеля.

– Нел. Его зовут Нел. Он не сказал почему.

От этих слов Огюст застыл на месте. Даже жужжание сервоприводов остановилось на мгновение. Долгие секунды страшной тишины прошли, его тело снова заработало, и старик быстро кивнул.

– Точно. Теперь я помню. У меня есть предположения откуда он получил свое имя, но нужно время на проверку. Хорошая работа, парень. – с этими словами старик отошел к операционному столу, и начал проводить над бескожим телом тонкие хирургические манипуляции. Из-за массивного корпуса Огюста ничего нельзя было разглядеть. До двух друзей долетали только звуки разрезаемой плоти.

– Я не спросил имя матери. – с горечью в голосе сказал молодой охотник и со вздохом уронил голову в руки.

– Он бы не смог тебе ответить. Не думаю, что он сам помнил. Когда дело касается таких, как он, имена других теней забываются слишком легко.

– Ты думаешь мама тоже мертва? – холодно сказал Троп. Он поднял голову, посмотрел на Огюста, и глаза его потеряли блеск.

– Троп... Ты думаешь у меня нет надежды? Ты думаешь, что я не желаю знать, что моя дочь жива? Я годами искал её и всё безуспешно. Ты и останки твоего отца — самая большая зацепка за многие зимы. Отец во мне говорит, что ещё не всё потеряно, но рационализм подсказывает, что мы должны исходить из наиболее вероятных предположений. – он говорил всё это не оборачиваясь, препарируя зверя. Закрывшись этой мясницкой работой, оглушая себя в её тщательности.

Гри заметно нервничала. Она чувствовала, что всё что она слышит не касается её, не предназначено ей, что она тут только случайный слушатель, который узнал чужие секреты. Секреты, что должны обременять чужую душу, но не её. И тем не менее, она позволила чужим переживаниям задеть её. Девушке уже позволили находиться здесь. Огюст не прогонял, подпустил к своему гаданию так близко, как только мог. Было понятно и без слов, что ей не просто доверяют — её участие необходимо. Осталось только восполнить пробелы.

– Ты не говорил, что эта гора хлама — твой дедушка. – тихо сказала она вытаскивая себя на комфортную почву дерзости – И давно ты знаешь?

– Почти пол года. – старик ответил вместо Тропа. Его манипуляторы на несколько секунд остановились, прервав кропотливую работу над останками. – Сказал ему, как только удостоверялся, что он поймет меня правильно. Мы не за городскими стенами, поэтому концепция любви предка к отпрыскам могла бы ослабить восприятие, а значит привести к смерти. К тому же, в первое время он бы мне и не поверил. Процесс обучения базовым принципам выживания

в организованном коллективе был достаточно травматичный, как ты помнишь. Хотя, вы тогда редко видели друг друга, поэтому поверь на слово. Этот испытательный срок антагонизировал нас. Раскрывать подобную информацию, пока раны ещё свежие, означало бы подорвать мой авторитет.

– Да уж, как бы мы без него. – беззлобно пробурчал Троп, осматривая рану на руке.

– Таковы принципы педагогики. Учитель без авторитета — это в лучшем случае советник, которым можно пренебречь. – ответил Огюст с нажимом в голосе и продолжил работу. – Вам есть о чем подумать и поговорить. Мы обменяемся знаниями потом. Сейчас мне нужно кое-что закончить. Можете пойти отдохнуть. Вы хорошо поработали. И ещё: передайте Оливии, чтобы она зашла сюда.

Видавшая виды серая поверхность стола, сейчас была его зеркалом души. Каждая вмятина, каждая царапина, каждое несмываемое пятно — всё это отдавалось собственными шрамами внутри. Как ни старался Троп вспомнить, всё равно его собственные раны оставались безымянными и лишенными истории, как и царапины на столе. С левой стороны, из-за края его поля зрения, со скрежетом заползла железная кружка. Остановилась прямо под носом. Пар обдавал жаром лицо. Парень почувствовал запах застарелого чая. Рука, выдвинувшая кружку, похлопала его по плечу.

– Спасибо. – сказал Троп, и слабо улыбнувшись, сделал глоток горячего терпкого напитка.

Они отправили Оливию в лабораторию и сначала хотели разойтись по комнатам, но напряжение трусливо подсказывало, что наедине переваривать всё это будет труднее. Поэтому они уселись в холле. Гри ушла на кухню на втором этаже, и вот теперь вернулась с кружками чая и свертком солонины.

– Видит Запад, отец тебя не очень-то любил. – сказала Гри, дослушав пересказ беседы парня с тенью, всё ещё дожевывая кусок мяса. Троп промочил горло чаем, поставил кружку на стол, и громко выдохнул. Он с облегчением вытянул руки вверх, потягиваясь, и спокойным голосом спросил:

– С чего ты так решила?

– Сам посуди: – сказала девушка – Стал бы хороший родитель взваливать на сына свою работу? Явно сложную. Явно неблагодарную. Загубил себя своими исследованиями, или чем он там занимался, и скинул всё что осталось на тебя. Даже чтоб он смог передать тебе эту свою ношу, — уже пришлось попотеть. И дальше легче не будет. Он сам ведь так сказал.

– Не думаю, что у него был выбор. – неуверенно сказал Троп, со скучающим видом поглядывая на девушку. Он выглядел, как человек, который не находит в себе силы как спорить, так и открыто соглашаться. Но молодой охотник смиренно принимал укоры собеседника из чистого любопытства. Или вежливости.

– Выбор есть всегда. Банальность, признаю. Но я уверена, что он жертва своей самоуверенности. Едва ли он планировал своё истощение и смерть, и зачал тебя только за тем, чтобы ты стал прибираться за его ошибками и закрывать его хвосты. Только идиот будет планировать такое на два десятка лет вперёд. – самоуверенно изрекла Гри, но увидев усталый и недовольный взгляд парня, поправилась – А я думаю, твой папаша идиотом не был.

– Может у него не было выбора. Может он просто обратился ко мне, когда ничего больше не осталось. Но это значит, что он помнил и верил. Любил.

– Справедливо. Хотя отчаяние и перевесило любовь. Иначе оставил бы тебя в покое. – сказала Гри с кривой улыбкой, и парень улыбнулся в ответ не зная, что на это ответить.

Слова иссякли. Дальше они сидели задумавшись, каждый о своем, и прислушиваясь к монотонному гулу откуда-то из недр здания.

Часы прошли в напряжённом отдыхе. Они вяло перебрасывались фразами, и спорили на отвлеченные темы. Идти никуда не хотелось, спать тоже. Слишком много случилось за послед-

ние часы. Оливия успела выйти и отправится к себе спать. Они уже не удивлялись видя, как она выходит из служебных помещений в облаке дыма, с самокруткой в зубах.

Внезапно сквозь гул машин прорвался другой звук: далекий и приглушенный рык мотора. На слух казалось, что откуда-то снаружи к постоялому двору приближается огромная монструозная фура. Сначала напарники никак не отреагировали, списав новый звук на работу многочисленных механизмов где-то в Огюстовой обители. Но неумолимый грохот стал слишком отчетливым и инородным, требовал внимания к себе. Троп и Гри переглянулись.

– Что-то большое едет мимо. – пробормотала она.

– Нет... – ответил парень прислушиваясь и поднимаясь с места. – Это колонна. Или группа мотоциклов.

Гри приподняла голову уставившись в пустоту, и через несколько секунд кивнула тоже поднимаясь с места.

– Думаешь проедут? – спросил Троп разминая конечности.

– Скорее всего. Насколько я знаю, старик не ожидает никаких гостей. Тем более если их там целая толпа.

Они стояли так в нерешительности, пока рык, теперь уже очевидно нескольких двигателей, становился всё ближе и громче. Машины редко проезжали мимо “Гептаграфа”. Это была неплохая дорога, довольно безопасная. Однако это не был торговый большак. На юге, откуда ехали невидимые машины, были только слизневые фермы, необжитые руины, и несколько мелких охраняемых промышленных лагерей. А за ними дикие земли — непроходимые топи, порченые земли, Чёрные зоны. Поехав на север и не сворачивая на опасные пути, из важных и ближайших мест можно было добраться только до Угольного города. Уже оттуда отрывалась вереница путей и возможностей.

Вопреки ожиданиям Гри, подбираясь к самому постоялому двору, двигатели постепенно затихали, а после и вовсе замолкли прямо перед зданием.

– Приехали. – проворчал Троп и девушка коротко прыснула от смеха. Через некоторое время они услышали приглушенные голоса за дверью, но никакого ответа из хриплого динамика. Огюст любил промариновать гостей. Снова тишина, которую резко нарушили помехи из уже внутреннего динамика в холле.

– Повторите свои имена и причину визита. – холодно изрыгал он металлическую речь старика. Оттуда же послышался тихий человеческий вздох.

– Меня зовут Лиам. – уверенно сказал мужской высокий голос из динамика. Очевидно Огюст ретранслировал переговоры для своих людей внутри. – Мы из хранилища “Ордена порядка” на юге. Там произошла забастовка и половину комплекса уничтожили. У нас есть информация, что мудака, который это организовал, проехал по этой дороге.

– Если и так, то он точно не останавливаться здесь. Я не пускаю незнакомцев.

– Может наш клиент оказался вашим знакомым.

– Беглый каторжник? Или какой-нибудь бригадир с производства? Нет. С такими людьми я дел не веду.

– И всё равно. Позвольте нам осмотреть здание. – в голосе мужчины проглядывались нотки нетерпения.

– Исключено. Тебя я тоже не знаю, Лиам. – голос у Огюста был спокоен, но сквозил окончательностью и непререкаемостью. Казалось он прямо сейчас отключит связь решив, что вопрос решен.

– Ладно. Я понял. Но может вы, или кто-то из ваших людей, знает этого саботажника. У нас есть его изображение. Можете хотя бы взглянуть или дать посмотреть вашим людям? Любая информация будет полезна.

Мгновенного ответа не последовало, хотя помехи никуда не делись. “Орден порядка” был достаточно могущественным, чтобы если не открыто атаковать “Гептаграф”, то хотя бы сильно

помешать планам Огюста и испортить ему жизнь. Отказ в такой простой просьбе мог создать ненужные проблемы из воздуха.

– Код. – наконец примирительно проскрежетал Огюст.

– Плуг и луна. – с небольшой паузой ответил мужчина. Снова тишина продлившаяся мучительные десять секунд.

– Лицензия наемника с севера. Интересную работу делегирует Орден. Не думал что у них недостает детективов. – проворчал старик и, не дав ответить на укол, продолжил – Сейчас открою двери. Можете спросить у моих помощников по поводу вашего саботажника. Я скоро поднимусь. Но не заходите. Любой шаг внутрь будет расцениваться, как прямой акт агрессии лично против меня.

Динамик сначала затих, а после начал вещать только для Тропа и Гри:

– Код свежий. Но это всё ещё может быть фальсификация. Будьте осторожны. Их трое, серьезного оружия нет, но среди них явно каббалит. Если бы они захотели войти силой — он бы им дал проход.

Парень и девушка переглянулись с опасением, встали от входа на несколько шагов по разным сторонам, готовые в любой момент защищаться, сбежать или отпрыгнуть. Они не обнажили оружие, но были полностью готовы убивать.

Железные двери разъехались в свои пазы в стенах. Яркое солнце не доставало до входа, но в холле всё равно стало светлее, развеивая унылую бледную атмосферу. На дороге стоял старый, но красивый чёрный байк, на каких разъезжают дорожные грабители и любители восстановленной винтажной техники. Рядом стоял ещё более редкий, и потому очень дорогой, маслкар грязно-желтого цвета. Либо этого красавца восстановили из крайне удачно попавшихся останков, либо какой-то умелец изобразил из другой колымаги искусную реплику. Напарники никогда не видели такую машину вживую. Перед транспортом, на полпути ко входу, стояла странного вида троика.

Посередине мужчина, на вид не больше тридцати. Короткие чёрные волосы, худое лицо и острый взгляд хищной птицы. Кроткая улыбка делала лицо миролюбивым и флегматичным. В своей чёрно-зеленой твидовой куртке и неизвестно сколько раз залатанных брюках он выглядел, как городской житель. Как работник архивов или мелкий бандит.

Слева стоял человек в толстом и широком комбинезоне желтых и бежевых цветов. Эта грубая одежда из плотной ткани и чего-то похожего на брезент, походила на одежду диггеров из Чёрной зоны. Не было видно ни одного участка кожи, голову закрывали капюшон и толстый противогаз с двумя фильтрами по бокам. Сажа на рукавах, грязные от пепла окуляры, двуручный топор с широким лезвием на одной стороне и клевцом на другой. Мешковатая, уродливая фигура словно выбралась из траншеи посреди чумного и испепеляющего поля битвы. Схожесть с ветеранами Истинного легиона была такой сильной, что Троп ожидал увидеть обгорелые шевроны на помятой форме, но разумеется ничего не было. Да и таинственное существо приняло такую вальяжную стойку, что даже о зачатках воинской выправки не могло идти и речи.

Однако самым впечатляющим из их троики был грозно стоящий справа железный гигант. Человек, явно мужчина, а может и вовсе мутант, был очень высоким и закован в броню, которую молодому охотнику не доводилось видеть вживую. Он был и правда высок, хотя и не дотягивал до железной груды Огюста, но два метра в нём точно было. Броня со следами ржавчины и многочисленными припоями всё равно очень походила на картинки с воинами-мечниками, которые были среди постеров старика. На голове сидел закрытый угловатый шлем — настоящий шедевр хламных кузнецов. Вид железного голиафа в живую и так был очень внушительным, но, подобно воинам с тех плакатов, этот тоже носил с собой меч. Длинный, с рукоятью, на которой уместились бы две пары рук. С толстым лезвием, которое судя по виду способно отрубить голову быку. Человек держал свое оружие на плече с надменной легкостью, устрашающей даже больше, чем его облачение.

– Не бойтесь, белки! До вас нам дела нет, да и до вашего начальника тоже. – громко сказал мужчина в центре, наблюдая, как изнутри на него смотрят две осторожные тени.

– Да, точно приехали. – прошептала Гри и покосилась на напарника. Троп кивнул в ответ, и они вышли к гостям одновременно. Отточенный жест — расслабленная походка, рука просто опирается на туловище, но на самом деле придерживает скрытое оружие.

Солнце окатило Тропа прямыми лучами, ослепило с непривычки после часов взаперти с приглушенным искусственным светом. Он уверенно встал в нескольких метрах от человека в твидовой куртке.

– Нам сказали кто вы такие и что вам нужно. Мы несколько недель дежурили по пол дня здесь и отсыпались, поэтому вряд ли чем-то сможем помочь. – сказал парень.

– Любая информация будет полезна. – весело ответил человек со снисходительной улыбкой на лице. – Меня зовут Лиам. Это мой отряд по решению проблем Ордена.

– Имена у них есть?

Лиам хохотнул и коротко посмотрел на своих попутчиков, а повернувшись назад ответил:

– Если это важно... Человека в комбинезоне зовут Госапи, а человека с мечом — Лютер Карим.

– Рад знакомству. Я Троп, а это моя напарница Гри. – веселый тон гостя заставил голос парня звучать ещё более холодно. Не нравились они ему, совсем не нравились.

– Взаимно. По поводу вопросов: Нам нужны данные о любых странностях в последнее время. Я вижу до вас долетело пепельное облако. Интересно за сколько оно добралось до вас, насколько плотными были осадки в первый день...

– Нам сказали, что у вас есть подозреваемый. – настороженно вставил Троп.

– Да, до этого дойдем. Когда подойдет Огюст. Это просто формальности. Но ответы даже на них очень важны, если вас не затруднит их дать.

Молодой охотник хотел уже ответить, что ничего конкретного не знает, но вперёд вышла Гри:

– Я могу кое-что рассказать про это. У меня было больше времени осмотреться и я следила за осадками.

Мужчина удивленно посмотрел на девушку, всего на секунду замешкался, но кивнул и сразу задал вопрос про силу осадков. Гри с готовностью и точностью настоящего архивариуса отвечала.

Эта беседа Тропу была не интересна. Он сделал несколько шагов назад и в сторону, всё ещё не расслабляясь и наблюдая за ними. Тут он увидел, как фигура в комбинезоне направилась к нему. Тихие шаги таинственного человека были почти не слышны за вкрадчивыми вопросами и ответами. Увидев, как напрягся молодой охотник, фигура закрепила топор за спиной и примирительно показала пустые руки, но остановилась только в двух шагах от парня.

– Как твои дела, Троп? – глухой голос из недр противогоза был женским и, на удивление, приятным, совершенно не сочетаясь с внешним видом. Казалось сам ужасный наряд, пропитанный копотью, мазутом и пеплом, внушал ощущение духоты и нехватки воздуха.

– Госапи, да? Какое тебе дело? Это что, перекрестный допрос? – ответил вопросом на вопрос парень с раздражением в голосе.

– Ха-ха. Да, что-то вроде того. Не люблю недомолвок. Я хотела поговорить с твоей подружкой, но она занята. Впрочем, так даже лучше. Был когда-нибудь в том хранилище? – голос у неё был дерзкий, но доброжелательный. Не такой приторно-учтивый, как у Лиамы.

– Только однажды. Месяцев восемь назад. Старик послал меня проконтролировать перевозку материалов.

– Помнишь имя старшего бригадира?

Троп задумался и понял, что ему не просто кажется. Ему действительно стало тяжело дышать. Он почувствовал неприятно покалывающее кожу тепло. Через окуляры противогаза на Тропа игриво смотрели глаза с красной радужкой.

– Кажется его звали Хвост. – сказал он и, вспомнив предостережение Огюста, добавил – Для каббалита ты слишком беззаботная. В хорошем смысле.

– Наконец догадался. – глухо промурлыкала Госапи и склонила голову на бок – Замечание справедливое, но и я не совсем каббалит. Формально да, но для нашей братии это вопрос чуть более тонкий. Скажем так, образование у меня не то. Да и достались мне силы дурацкие и примитивные. Хотя и довольно серьёзные.

– Значит оборотень, но зарегистрированный, раз можешь вот так открыто работать наёмником. Не знаю что у тебя там под комбезом, но по крайней мере ты не отрастила себе лишнюю голову, или новую пару ног с позвоночником. – сказал охотник с явным энтузиазмом и позволил себе улыбнуться.

– Каждый платит по-своему. Но не переживай, под одеждой у меня всё отлично. – беспардонно сказала она, не сводя с глаз и наблюдая за реакцией вверенной ей белки Огюста – Я собираю информацию о других. Если у тебя есть чем поделиться — может когда-нибудь найдешь меня в Угольном городе.

Троп опешил и усмехнулся, даже сам не понял чему, но быстро пришёл в себя и посерьёзnel:

– Не думаю что мы ещё увидимся.

– Конечно нет, балда. Я просто над тобой стебуться.

– Не повезло тебе стать каббалиткой, с таким-то характером.

– Да и по своему дару мне не особо повезло. Я так, скорее фокусник. – продолжила она, удовлетворившись секундами неловкого молчания, а после подняла руку и беззвучно шелкнула пальцами в резиновой перчатке. От них разлетелись толстые искры. Троп отшатнулся от неожиданности, рука крепче прижала топорик к туловищу. Гри и Лиам посмотрели в их сторону, каждый по своему. Девушка с удивлением и беспокойством, мужчина с раздражением.

Госапи коротко усмехнулась и приподняв руки отошла назад.

– Ладно. Давайте к делу. Что-то ваш хозяин задерживается. Подойди сюда парень, я покажу рисунок. Может ты узнаешь кто на нем? – сказал наемник, и медленно просунув руку за пазуху, достал клочок бумаги. Троп уже подошел, а Гри, хотя и хотела тоже посмотреть, решила на всякий случай отойти на шаг и следить за гостями.

Парень принял из рук рисунок, взглянул на него, и впал в ступор на несколько секунд. На старой желтой бумаге был в деталях изображен молодой парень с чёрными неряшливыми волосами, суровым не по годам взглядом и исхудалым обветренным лицом. Молодой охотник смотрел на свой собственный портрет. Правильный и разумный вопрос “почему он?” сейчас уступил параноидальному “как?”. В этом немом вопросе, Троп поднял глаза и увидел спокойное приветливое лицо Лиама.

– Ну что, есть идеи? – спросил мужчина, и резко ударил Тропа в челюсть.

Только инстинкты человека, годами жившего в мире, где оглядываться нужно больше, чем смотреть вперёд, спасли парня. Он успел погасить часть удара своей рукой, но в глазах всё равно заблестело. Не слыша ничего, кроме звона, и видя лишь неясные потемневшие силуэты, молодой охотник заблокировал следующий удар, и полоснул нападавшего молниеносно появившимся в правой руке топориком. На рукаве куртки Лиама мгновенно проступила кровь. Что-то заблестело в другой руке наемника, и через мгновение о стальную рукоять топора лягнуло лезвие мачете. Лиам усмехнулся, рука с мачете ушла назад и резко разрежала воздух прямо перед носом Тропа крест-накрест — парень едва успел уклониться.

Грузные шаги справа. Лязг металла. Исполин Лютер Карим, до этого застывший словно статуя и не издававший ни звука, теперь двигался на парня заноса меч для удара. Раздался

выстрел. От головы воина разлетелись искры, а сама она дернулась к правому плечу, но гигант остановился только после следующего попадания в голову. Остановился, но не упал. Не издал ни звука, словно по своей воле, он позволил Тропу выскользнуть из стычки сразу с несколькими врагами. Парень слышал, как Гри что-то кричит, но не разобрал слов. Всё происходило так быстро. И при этом так медленно. Каждый удар мачете Лиам сопровождал кулаком. Он то пытался схватить парня, то врезать ему. Мужчина действовал так агрессивно и уверенно, что у охотника не оставалось места на контратаку. Рука с топором отражала удары лезвия, а вторая рука немела от постоянных блоков. Лиам был сильнее и не уступал в скорости. Очередной удар прошел по-касательной от блока прямо в левую скулу. Ошеломление длилось всего мгновение, но наемнику хватило его, и Троп почувствовал, как лезвие мачете вонзилось в плечо. Он нечленораздельно прохрипел, вяло попытался заблокировать следующий удар, и упал на колени почти потеряв сознание.

Реальность расплылась в тёмное марево, из которого, как из глубин болота, выныривали случайные звуки и лопались гнойными пузырями. Звуки выстрелов. Запах сгоревшего пороха смешивался с ароматом его собственной крови. Мучительно долгие секунды растворялись не позволяя уследить за ними.

Наконец к Тропу вернулось зрение и слух. Он увидел исполина с мечом занесенным над его головой. Увидел Лиаму, держащегося окровавленной рукой за плечо. Госапи позади всех, у самой машины. Наставила палец в сторону Тропа целясь в кого-то за его спиной. Тёмная рука с белыми следами сажи ритмично вздрагивала, а с кончика пальца, с которого обгорела перчатка, светила желтая точка.

– Проваливайте отсюда! Хотите пропасть без вести?! Думаете кто-то будет искать ваши тела?! Я вас по частям разберу и расфасую по холодильникам! – глухой хриплый крик Огюста где-то позади приободрил парня. Он было усмехнулся, но из груди вырвалось только сухое сипение.

По лицу Лиамы сквозила ненависть вперемешку с неуверенностью. “Гептаграф” не был захвачен или обворован не только потому что старик был уважаемым учёным. Он так же был известен, как сильный и коварный защитник своего логова. Но Лютер Карим, человек с картин старого мира, либо не был знаком с репутацией старика, либо стремился проверить её лично. Мечник не издал ни звука, пошел в атаку. Троп обернулся с широко раскрытыми глазами наблюдая за спектаклем, который видел всего пару раз в жизни — Огюст дрался.

Несколько железных паучьих лап словно выстрелили из-за спины старика, и с лязгом врезались в стальной нагрудник. Лютер не отшатнулся, ничем не показал что его ранили. Его меч описал вертикальную дугу, и ещё одна механическая лапа в последний момент отклонила лезвие, которое с грохотом врезалось в землю.

– Семмский сплав. Хорошая закалка. С какого бункера ты срезал балки для этой брони, рыцарь? – сказал Огюст, пока из недр его балахона ритмично выстреливали чёрные иглы. Некоторые из них разлетались, отскакивая от брони, но другие застревали в её сочленениях, впились в плоть, как жала гигантских ос.

Воин оттолкнулся от земли, развернул меч и ударил в бок Огюста, разрезая балахон. Металл врезался в металл, старик дернулся в сторону. Механическая лапа, заменявшая ему одну из ног, поддела клинок и прижала к земле. Лютер Карим нажал обеими руками на рукоять, вырвал меч из захвата, но этой заминки было достаточно и старик пошел в атаку. Пугающе быстро для своих размеров, он приблизился к “рыцарю”, и снова молниеносно ударил толстыми паучьими лапами, зацепился ими за нагрудник и дотащил себя вплотную к воину. Тот пытался оттолкнуть нависающую скалу, ударил в маску кулаком в железной перчатке, но было уже поздно. Четыре толстых механических лапы и ещё с десятков маленьких крепко обхватили Лютера, прощупывали броню и, находя бреши, сдавливали крепкое тело.

Гри была рядом, но даже не смотрела на битву, её глаза и дуло револьвера были обращены куда-то в сторону дороги. Троп коротко обернулся и заметил, как Госапи в нерешительности направляет палец то на девушку, то на сражающихся великанов. Кряхтя и вздыхая, Троп поднялся с колен, встал рядом с напарницей крепко сжимая в руке топорик. Он сделал шаг вперёд, готовый в любой момент либо прикрыть Гри своим телом, либо бросится на Лиама, который стоял рядом с каббалиткой держа руку на её плече. Он был так напряжён, что готов был закричать, как Танги, и бросится хоть на Лиама, хоть на Госапи, хоть на Карима. Но сдержался и оскалился, поймав на себе взгляд каббалитки.

Впервые за их встречу Лютер Карим издал звук — утробный рык, с которым он несколько раз ударил своей головой о маску Огюста. Это заставило старика отшатнуться, а после и вовсе отпустить “рыцаря”, который уже собирался ударить третий раз, но потерял равновесие освободившись.

Все замерли. Троп взглянул на своего деда. На побитой маске была едва заметная трещина, с которой стекала тёмная жидкость. Машинное масло или кровь? Лиам громко выдохнул и осторожно опустил руку Госапи. Та посмотрела на наемника, что-то неразборчиво сказала и резко развернувшись пошла к машине.

– Что ж. Полагаю никто не хочет, чтобы мы тут все друг друга поубивали? – громко сказал Лиам примирительно поднимая руки. Ни у кого не нашлось слов, чтобы ему ответить. – Извинитесь перед господином Огюстом, сэр Лютер, и поехали отсюда.

Воин, тем временем, выдергивал из своего тела чёрные иглы, или скорее штыри. Покончив с этим он коротко поклонился, и со скрежетом развернувшись на пятках, пошел к своему байку. Его походка была такой же уверенной, но двигался он явно медленнее, чем хотел бы.

Гри вопросительно посмотрела на старика и тот, тяжело и утробно дыша, махнул показавшейся бледной рукой сверху вниз. И всё равно она опустила револьвер, только когда машина и байк тронулись с места.

– Надеюсь этот бугай сдохнет от твоего яда быстрее, чем они доедут до города... или куда там они собирались. – пробормотала девушка, глядя на дорогу где скрылись их гости.

– Сомневаюсь. – ответил Огюст, разворачиваясь назад ко входу в постоянный двор – Этот рыцарь явно мутант, а может и ещё один каббалит. Если так — то этот Лиам, скорее всего, тоже. Сукины дети. Мне придется чинить маску. Пойдём, вас тоже надо подлатать.

Глава 6. Новое дело

Они зашли внутрь, заперли за собой дверь, отправились в небольшую столовую на втором этаже.

– А это как случилось? – сказал Троп указывая свободной рукой на прожжённую дыру в одежде девушки, через которую виднелось болезненное покраснение.

– Когда этот мудака с мачете попытался тебя окончательно вырубить — я выстрелила в него и тут мне прилетело. Она выстрелила из пальца. Видимо не особо подготовилась к этому, потому что, чувствую я, что она способна на большее. Она собиралась дать мне добавки, но я взяла её на мушку. Может и стоило сразу стрелять, но тут начал идти этот рыцарь. А потом вышел Огюст.

Гри сказала всё это заходя в общую столовую, и слабо улыбнулась, взглядевшись в обеспокоенное лицо Тропа.

– Не волнуйся ты так. Я в порядке. Эта каббалитка на вид самая опасная из них. Но лучше пусть меня атакуют такие фокусники-факиры, чем сумасшедшие гипнотизеры, убийцы разума, телекинетики и прочие. Если этот Лиам и правда такой же — нам повезло, что он решил не раскрывать себя. Надменный мудака думал сразу вырубить тебя и похитить. – Гри усмехнулась и села за длинный прямоугольный стол. – Да, очень похоже на наемника-каббалита. Переоценил себя, и ему пришлось хорошенько попотеть с тобой. Ты хорошо справился.

– И всё равно отхватил. – пробормотал Троп.

Тут было гораздо приятнее, чем в холле: мягкий свет, ковры из шкур на полу, деревянная мебель, несколько картин на стенах и красивые статуэтки по углам. Это место словно пыталось доказать каждому, кто расстроился из-за холодного приёма “Гептаграфа”, что оно способно быть гостеприимным. Столовая была общая и для гостей Огюста, но сейчас тут никого не было. Двое мужчин-постояльцев, гостивших тут на правах исследователей леса, сейчас были там, а Оливия всё ещё спала у себя.

Огюст, уйдя к себе, вернулся уже с хирургическим саквояжем и небольшой стеклянной банкой серой мази. Он подвинул девушке её и рядом звякнул пинцет. На лице у старика была уже подлатанная маска. Может сам Огюст и мог найти отличия в рельефных узорах, но парню они казались идентичными.

– Повезло тебе. Рана неглубокая. Походишь недельку со швами и всё. – глухо скрежетал великан, промывая рану и ловко орудуя маленькими манипуляторами, которые быстро штопали плечо Тропа.

Парень стойчески, стиснув зубы, переносил боль, невольно вдыхал полной грудью запах антисептика. Взгляд бродил по поверхности стола. Рядом с ним Гри, раздевшись до пояса тоже промыла рану, вытаскивала пинцетом кусочки пригоревшей ткани, с шипением размазывала серую мазь на ожоге.

– Почему мы штопаемся в столовой? – сквозь зубы спросил молодой охотник, просто от праздного любопытства и нежелания слушать тишину.

– Потому что ваши раны — это дело пяти минут. Да и сидеть тут приятнее, чем в лаборатории. А потом вам нужно поесть, а мне нужно рассказать вам что будет дальше.

Сытный обед из жареного мяса гигантской крысы, пшеничной каши и капустного салата пришёлся очень кстати. Есть поначалу совсем не хотелось, но стоило начать — и тарелки быстро опустели. В единственное окно в комнате коротко постучали. Сначала никто не обратил на это внимание, но стук повторился. Троп обернулся к окну и увидел птицу, зацепившуюся когтями за раму, и клювом отбивающую ритмичный стук по стеклу: “тук-тук-тук-тук”. Парень улыбнулся, поднялся с места и открыл окно.

Пустельга, измазанная в саже, прыгнула на подоконник и снова отбила ритм о него — “Тук-тук-тук-тук.”

– Привет Лоскут. Залетай. – с особой нежностью, которой была достойна только эта птица, проговорил Троп, погладив её под клювом.

– Всё-таки вернулся. Я думала, что пепельное облако его окончательно отпугнёт. – ехидно сказала Гри наблюдая, как птица, коротко взмахнув крыльями, садится на столе и опускает голову в Тропову кружку воды.

– Друзья не бросают своих из-за каких-то дымных туч. – гордо сказал парень, закрыл окно и вернулся за стол.

Он встретился взглядом с девушкой, которая уже успела полностью замазать и забинтовать рану и накинуть свою рубашку. Гри, услышав его слова, саркастично хмыкнула, но на лице у неё была тёплая улыбка.

– Так, ладно. Теперь, вы трое помолчите и слушайте меня. – строго сказал Огюст. Хотя то, что он записал в свои слушатели Лоскута, вызвало у напарников смешки. Но больше никто и ничем старика не прервал, и он продолжил – Я поговорил с Оливией по поводу ритуала. Она сказала, что её люди смогут помочь. С мнемоническими аномалиями всегда так. Чтобы узнать больше, нужно копать глубоко и тщательно. Даже такие специалисты, как Нел не могут всё держать в голове и постоянно оставляют для себя новые лазейки.

– О каких специалистах ты говоришь? – подавшись вперёд спросила Гри.

– О мнемо-сталкерах, конечно. – невозмутимо ответил Огюст – Это вполне очевидно и теперь секрета в этом нет.

На лицах напарников была смесь ошеломления и понимания. Да, по всему что Троп узнал после ритуала это и правда стало довольно очевидным. Но мнемо-сталкеры такая редкая и таинственная группа, что даже подумать о ней требовало усилий и подсказок. Их таинственность и редкость сопутствовали друг другу. Эти люди искали новые способы передачи и сохранения информации. Они, как могли, поддерживали в рабочем состоянии думающие машины (чаще всего безуспешно); искали книги, а находя, не притрагивались к ним, сохраняя их на месте, и понимая, что сама попытка постигнуть старые знания, сотрёт их и со страниц и из памяти людей; охотились за убийцами мудрецов и книгосжигателями более рьяно и эффективно, чем любые охотники за головами или инквизиция.

Но самые страшные и впечатляющие слухи были про поиски новых носителей информации. Они нанимали и обучали физиологов, биологов и сами, по слухам, были телепатами, хоть и не считались каббалитами. С первыми они открывали новые способы передачи информации через мельчайшие жесты и движения тела, со вторыми они учились передавать и сохранять информацию в выращенных растениях, в препарированных животных, в изменённых клетках самого человека. Существо могло само по себе стать настоящей библиотекой и проклятие забвения могло искоренить его только с жизнью носителя. Наконец телепатия — самая обнадёживающая, таинственная и опасная среда. Почти никто не знает, как мнемо-сталкеры пользуются телепатией и что передают с её помощью. А сама мысль, что благодаря ей информацию можно как-то сохранять, считается в некоторых городах ересью достойной сожжения. Работа с памятью древних изнуряет тело, но особенно разум, превращая людей в безвольных кукол, которые, в конце концов, забывают как дышать. Немногие способны нести это бремя и выжить. Кроме того, такая скрупулёзная работа с опасными знаниями может быть губительна и для окружающих, если неудавшийся мнемо-сталкер забудет закон и мораль перед тем, как забудет как убивать.

Неудивительно, что их ремесло кое-где запрещено или крайне ограничено в возможностях, а самих мнемо-сталкеров опасаются не меньше, а часто и больше, чем каббалитов. Неудивительно, что их так мало, что они скрываются от остатков цивилизации, хотя посвятили свою жизнь её возрождению.

– Да. В этом есть смысл. – понуро сказал Троп и повторил Огюсту свой диалог с отцом.

– Ха. Он хочет, чтобы ты продолжил его дело. Наверняка оставил в своём теле подсказки о том, где собирались его друзья, где они зарыли найденные библиотеки, где устроили лаборатории. Каждый мнемо-сталкер может много чего сказать, но чаще всего он говорит фразу: “Мы так близки к разгадке!” – голос Огюста был полон иронии.

Гри с усталым удивлением смотрела на него, видно было что она хочет что-то сказать и мечется между вопросом и отказом участвовать. Когда старик повернулся к ней, девушка глубоко вздохнула и всё-таки спросила:

– Я думала тебе нравятся все эти вещи о прошлом. Ты никогда особо не говорил про мнемо-сталкеров, но твои увлечения... Разве ты не поддерживаешь их?

– Я слишком стар и прагматичен для них. Или они слишком наивны и идеалистичны для меня. Их методы слишком опасны, продукт их труда слишком далёк от совершенства. Они не разделяли моё мнение о том, что лучше естественным образом и постепенно прийти к разгадке проклятия, чем пытаться его обмануть через свои особые методы. Они абсолютно уверены, что Проклятие забвения не распространяется на их открытия, потому что “не видит” их. Но я не хочу об этом говорить. Не сейчас. – Огюст ответил с такой горечью, что хотя он имел в виду таинственную организацию в целом, Троп сразу понял, что он думает именно о своей дочери и её опасном муже. – Нет, я не хочу губить себя или вас ради их странных планов. Но...

Он обернулся к парню и тот согласно кивнул:

– Но мы хотим найти её.

Огюст склонил голову в кивке и добавил:

– Именно. И понять ради чего Нел устроил всё это. Поставил под угрозу тебя, фактически убил себя, и разорвал все связи с миром. Мне плевать как он смог заставить забыть даже меня, но я хочу знать, ради чего он это сделал. Я знаю, что забыл из-за него. Но не смогу сказать почему.

Гри смотрела на них всё сильнее отчаиваясь. Она уронила голову в руки на столе и простонала, как каторжник после тяжёлого рабочего дня, узнав, что следующая смена будет через десять минут.

– Тебе необязательно участвовать в этом так же, как ему. – мягким голосом, не сочетающимся с металлическими гулками звуками, сказал ей Огюст. – Я решил, что будет проще, если ты знаешь, в чем помогаешь мне. Да и не подпусти я тебя к этому всему — ты бы сама нашла способ понять куда дует ветер. И поступила бы ещё более опрометчиво.

В ответ на это Гри подняла голову и сморщилась, как если бы её ткнули в перебинтованную рану на боку. Она облизала пересохшие губы и громко, отчётливо произнесла:

– И при этом я всё равно чувствую себя, как идиотка, которую поставили перед фактом. Понимаю, глупо звучит, но я расстроена, что вы скрывали от меня детали ваших отношений и, что ты, Огюст, скрывал от нас кем был этот... придурок в теле оленя. И при этом я расстроена, что, зная это, теперь меня косвенно касается этот пиздец. Хотя нет. Я не расстроена. Я в ужасе! Сначала по твою душу, Троп, вылазят эти каббалиты, которые знают, как ты выглядишь и хотели тебя похитить. Заметь, дурак, не убить! По-хи-тить! Ты... – Гри уже не казалась усталой. Она активно жестикулировала, тыкала в Тропа пальцем, повышала голос и ненамеренно придавала ему театральные интонации – Ты хоть представляешь, насколько это хуже? Быть нужным этим уважаемым мудакам живым! И вот сейчас оказывается твой увальень-отец был мнемо-сталкером. Ну заебись! Не хватало получить репутацию пособника тем, кого либо боятся, либо ненавидят.

– У тебя есть выбор отойти в сторону. На мне теперь клеймо. – холодно ответил Троп с такой решительностью, что Гри глубоко вдохнув замолкла. – Я не хочу портить тебе жизнь, но моя жизнь точно изменится. Хочу я этого или нет. Старик прав — работать на них это опасно

и вообще нельзя. Я и не собираюсь. Я только хочу узнать правду. Или ту её часть, которую ещё не сожрало забвение. Даже если я не попытаюсь, последствия меня всё равно найдут.

Повисла долгая и мучительная тишина. Огюст вяло шевелил своими манипуляторами, Гри крепко задумалась под неустанным взглядом молодого охотника. Он не сказал это, но он хотел бы чтобы она послала всё это и осталась не причастной к чужим проблемам. Троп не любил разделять свою ответственность с другими. Долг — это тяжёлое и малопонятное для него бремя. Это пища, которую тяжело прожевать и проглотить, и она мучительно долго переваривается.

Он уже вдоволь насытился долгом, пока отбывал этот год на службе у старика. Но при этом он хотел бы видеть её рядом. За время знакомства с Гри и Ржавчиной, молодой охотник научился ценить и любить запах жжёного пороха из-за спины. Чувство, которое он испытал, когда гигант Лютер Карим дёрнулся и остановил свой кулак, от выстрелов револьвера подруги. Это чувство он не смог бы объяснить, придать ему понятную форму. И всё равно осознавал это неоформленное желание внутри.

– Я не знаю. – тихо сказала Гри подняв голову и посмотрев Тропу в глаза. – Я хочу жить. Жить достойно. Если это ваше дело заведёт вас в ремесло мнемо-сталкеров — я не знаю смогу ли продолжать. Но...

Огюст недовольно хмыкнул и Троп прекрасно понял его. Это “но” неприятно обожгло нечто в груди.

– Но я хочу, чтобы и ты тоже жил, *chasseur*. У меня есть принципы. К тому же. Хех. Не думаю, что когда-нибудь представится возможность узнать что-то мнемо-сталкерах не вступая в их ряды. – последнюю фразу она произнесла заговорщическим, даже мечтательным тоном будущего учёного. Она была умна, любознательна. Ни для кого не было секретом, что Гри работает на старика в первую очередь, чтобы учиться и знать, а уже потом из соображений безопасности и обеспеченности.

– В любом случае можете расценивать то, что придётся делать дальше, как обычное курьерское задание. – сказал Огюст, когда понял, что вопрос решён. Он достал из недр балахона продолговатую железную банку с запаянной крышкой. – Просто доставить эту штуку к людям “Защиты от Обыденного”, послушать что они скажут и вернуться. Может это никуда нас не приведёт. Может будет что-то новенькое, и посреди наследия Нела будут нити не связанные с мнемо-сталкерами. Может этих нитей не будет и тогда это будет только наше с тобой, Троп, дело: забросить и забыть всё это или нет. Но нам нужно попробовать. Это не только важно, но и жизненно необходимо лично тебе, даже если ты ещё не понимаешь этого.

– Думаю, что понимаю. Тогда нам пора в Угольный город. – заключил парень и кивнул сам себе.

– Да. Давно там не были. – с лёгкой улыбкой проговорила Гри – Заодно повидаем Ржавчину. Надеюсь, ты не из-за этой историей отправил его туда?

Огюст усмехнулся и немного наклонился к своим белкам:

– В основном нет. Он там собирает общую информацию. К тому же мне не нужно его кормить и держать на поводке. С этой работой я постарался его не связывать. Это сделаете вы. Как только найдёте его.

Троп и Гри переглянулись с удивлением, сначала расценив это как приказ. Но удивление быстро сменилось усталым пониманием. Это был не приказ. Это было предостережение.

Глава 7. Путь. Часть 1

Хотя гараж в торце постоянного двора открывался не каждый день, Огюст всё равно требовал прибираться тут так же тщательно, как и в остальном здании. Троп представил во что превратится это место за время их отсутствия. Представил, как старик, сгибаясь и изворачиваясь, убирает масляные лужи, стирает пыль полок и следы резины с пола. Гараж занимал практически половину гостевого крыла, и тут могла уместиться (пусть и в тесноте) дюжина легковых машин.

Сейчас же тут было только четыре. Пикап двух исследователей, — новенький, с укрепленными листами железа и пулемётным гнездом. Удобная, но выдавшая виды двухместная округлая машина Оливии. Довольно редкий дозабвенный каркас привлекал внимание, но не выглядел роскошно или глупо. Наконец тут были две машины Огюста. Первая — грузовичок, который выкатывали из гаража только по особым поводам. Старый, явно сделанный умелыми автомеханиками с нуля. Кузов укрыт тёмно-синим тентом, из которого торчало дуло станкового пулемёта. Вторая машина — угловатый прямоугольный автомобиль на четыре места с длинным капотом. Корпус тоже дозабвенный. За транспортом ухаживали с особой любовью, но частота его использований успешно скрывала её признаки. Это была их рабочая лошадка. На приборной панели у бардачка было выбито название — “Фанатик”. Огюст говорил, что это выгравировал его друг, ещё давным-давно, когда машина чудом сумела завестись с простреленным двигателем. Имя друга, как и он сам, пропали в забвении. Автомобиль стойко пережил своего первого хозяина.

До Угольного города было полтора дня пути, включая перерывы на сон. Они уже взяли всё необходимое: провиант на три дня, пластиковые бутылки, патроны, запасную одежду, спальные мешки, канистру с горючим, набор для выживания в дороге (аптечка первой помощи с Огюстовыми снадобьями, спички, мелочёвка для чистки оружия и подшивания одежды, пара инструментов для починки автомобиля, старый компас, воздушные и водные фильтры). Что-то погрузили в багажник, что-то оставили в бардачке или на заднем сиденье, а что-то распахали по карманам. Самое важное — их посылку, Гри надёжно припрятала в своей дорожной сумке.

“На банке стоит печать “Общества защиты от обиденного”. Просто покажете её и вас пропустят. Приготовьтесь, отоспитесь. Вы выезжаете завтра с рассветом. Старайтесь не ехать ночью, не устраивайте привал где попало.” – давал наставления Огюст, отмечая что-то в своей тетради.

“Было бы проще, если бы твоя подруга поехала с нами.” – проворчала Гри, засунув голову в шкаф в поисках запасных фильтрующих шарфов.

“И опаснее для неё. Нет. Боец из Оливии крайне скверный, а вот ездить она умеет. Одной на дороге ей будет безопаснее.” – ответил старик и посмотрел на скучающего Тропа, который всегда относился с особым трепетом к подготовке, и потому уже упаковал всё для путешествия.

Парень приоткрыл рот, раздумывая стоит ли вообще сейчас о таком спрашивать, но подал голос только когда Огюст нетерпеливо кивнул.

“Скажи. Ты знаешь кто такой Филин из Лакосты? Или Танги Вонючка?” – выпалил Троп.

“Это один человек?” – с заметным удивлением спросил старик и даже приподнялся от тетради в своей задумчивости.

“Э-э-э... нет. Филин — это тень, которая вытащила меня с пустыря, когда труп оленя меня пригрел по голове.”

“А этот... Танги?” – окуляры Огюста на несколько раз мигнули диафрагмами. Троп чувствовал себя невероятно глупо, но всё равно ответил.

“Понятия не имею.”

“Ну... Я тоже. Хотя что-то по поводу Филина припоминаю. Надо будет посмотреть в записях. Если мертвец спас тебе жизнь — его имя стоит запомнить.”

Они уселись в “Фанатика” перевести дух. Толстые гаражные ворота были уже открыты. Впереди предстояли беспокойные дни в пути, а после сумасшедшие дни в городе, где никогда ничего не шло полностью по плану. Троп почувствовал, как на него накатывает лёгкая тревога перед долгой чередой испытаний.

Гри закурила, меланхолично рассматривала кусок равнины и дороги впереди.

– Надеюсь это будет быстро. – одной этой фразой девушка показала, что разделяет его чувства. Руки вяло лежали на руле.

– Да. Я тоже надеюсь.

– Готов? – она повернулась к Тропу, с добрым прищуром возвращая себе самообладание.

– Готов. Поехали уже. – ответил он, и тут же услышал, как с натужным тархтением заводится двигатель.

Старый мотор захлёбывался, возвращаясь к жизни спустя несколько недель простоя. Фары обожгли землю перед гаражом, перебивая первые лучи солнца. “Фанатик”, как послушный зверь, готовый размять затёкшие конечности и вдохнуть свежий воздух, резко рванулся с места. Через несколько секунд они уже были на старой пожёванной временем дороге, а через минуту “Гептаграф” остался лишь маленькой точкой в зеркале заднего вида.

Хотя Троп клялся, что выпался и полон сил, но всё равно умудрился задремать под монотонный рык двигателя, шум колёс и запах жжёного горючего. Проснулся охотник от того, что машину резко тряхнуло. Он громко выдохнул, посмотрел на Гри, но та лишь улыбнулась, глядя на дорогу. На приборной панели мигал встроенный циферблат: 9:33. Он проспал несколько часов. Голова отдавала ноющей размазанной болью, как это с ним иногда бывало после сна в автомобиле на ходу.

– Могла бы и разбудить, а не наезжать на ухабы. – проворчал Троп, взял с приборной панели полупустую пачку сигарет и закурил.

– Прости. Ты слишком мило дремал. Да и на дороге всё равно никого не было.

Парень отмахнулся и расслабился, посмотрел в окно.

Они давно проехали пустырь и рошу за ним. Слева всё ещё высился лес. Еловые столбы пролетали мимо, выстроившись, как неусыпные стражи. Они следили чтобы маленькие существа в своей железной коробке не вторглись на их территорию. Деревья стремительно пронеслись мимо. Лес был убежищем для всех, кому был противен дневной свет. Ветви и толстые стволы укрывали их от прямых лучей, дарили всякому гостю собственную малую ночь. Троп был готов поклясться, что остановись машина и он смог бы посмотреть в глаза, выглядывающие из теней.

Справа на востоке была бесплодная холмистая земля. Холмы медленно проплывали мимо, спины мёртвых гигантов, покрытые травой и присыпанные землёй. Иногда солнце скрывалось за ними, и мигание света заставляло раздражённо моргать. Эта земля тоже была домом для диких существ, но гораздо более привычных к солнечному свету. Гигантские землеройки тормозили травяные горбы, дырявили их своими когтями, создавая бессмысленный и хаотичный лабиринт тоннелей, в который взрослый человек едва протискивался ползком. Полевые волки устраивали себе лежанки рядом со ржавыми остовами древних машин, изредка выглядывающих из травы.

Дальше к востоку, холмов становилось больше. Они росли в высоту, меняли травянистую шубу на жёсткую каменную шкуру, и образовывали настоящую сеть из тропок и перешейков. Там жили изгои. Забытые всеми и помнящие всех. Свою обиду и злобу на цивилизацию и её законы они вымещали в основном друг на друге. Каждую неделю у них был новый бог, каждый месяц собиралась очередная ватага отчаянных убийц, которые шли сеять смерть к соседям, и

почти всегда вместе с этим сеяли чужую землю своими телами. Они переплавляли в железное и медное оружие куски найденной руды, почитали старые скважины по добыче газа, как святые обитатели. Из недр удушливых штолен выжившие могли собрать жуткие газовые огнемёты, — опасные как для жертвы, так и для владельца. В основном изгои уходили дальше на восток, где их с остервенением убивали жители плодородных ферм и крошечных городов. Иногда эти пропащие отправлялись на север и северо-восток, где сражались с дикими племенами, которые не уступали им в жестокости.

Когда-то давно мудрецы из больших городов, знакомые с этими стычками, говорили, что скоро племена позарятся на скалы изгоев и раздавят их. Создадут из бывших каторжников без хозяина новую породу дикарей под новыми знамёнами. Но этого не случилось до сих пор, и вряд ли случится когда-нибудь. Никто точно не знает почему. Но одна из самых правдоподобных версий была в том, что степенные, по меркам изгоев, дикари: эти традиционалисты с собственным укладом жизни, со своим собственным стабильным пантеоном и кровавыми, но всё-таки устоявшимися принципами, просто брезгуют. На юге для проклятого народа ничего полезного нет, а на востоке можно только охотиться на зверей. Когда группа изгоев выбирается к холмам, она обычно добирается только до ближайшей ржавой развалины, где решили переждать полевые волки. После этого ветер разносит запах горелой шерсти за километр, а выжившие возвращаются в свои скалы с дырвыми и опалёнными снятыми волчьими шкурами.

Лес, с другой стороны, был неприступен для больших групп. Только тот, кто на горьком опыте научился выживать в таких местах, мог забрести достаточно глубоко, чтобы найти монстров, способных убить храбрецов одним ударом. Шестилапые медведи, гигантские филины, ржавые волки с разверстой пастью из которой торчат по два ряда зубов на каждой челюсти. И чем ближе к Чёрной зоне “Люпин”, в которой и приходилось выживать Тропу, тем более ужасную судьбу сулили шорохи в ночи. Проходя мимо деревьев с ободранной корой, учишься постоянно смотреть и под ноги и наверх. Кроты-крюкачи, устраивающие себе логова под кронами деревьев, разрывали массивными лапами сухую землю под путником. А потом либо погружали его целиком в лесную могилу, либо прибывали своими отрывающимися зубами, как белыми железнодорожными штырями, к деревьям. Обглоданные скелеты, висающие на сгнивших зубах, улыбались новым неосторожным жертвам.

Скрытые в густых иголках или листве, на ветках сидели скрюченные. Маленькие гуманоиды с чёрной кожей, покрытой язвами, и с тремя белыми, туманными глазами, которые не светились в темноте, и не отбрасывали бликов. Скрюченными пугают непослушных детей. “Не будешь ночью в кровати — скрюченный напрыгнет на тебя с потолка и высосет мясо из твоих костей.” Никто не знает откуда они появились. Мутировавшие ли это люди или искажённые до неузнаваемости звери. На их бездумных гладких мордах нет ни носа, ни рта. Только тонкое хитиновое жало, которым ночные охотники пользуются, как острым хоботком, пробивая позвоночник.

Там, где не решались охотиться даже скрюченные, гостили абберации из Чёрной зоны. Нередко слепые, вздутые и с чёрными пятнами на бледных или зеленоватых гротескных телах. Чёрная зона богата на редкости, но мало кто доживал даже до встречи с тамошними монстрами. Не наученные горькому опыту диггеров, искатели сокровищ гибли в руинах от невидимой кровавой болезни, покрывались чёрными пятнами и, если им не повезло, воскресали в виде новых жителей этого места. То, что находилось дальше, Троп знал только по туманным рассказам Огюста. И им обоим было неинтересно об этом говорить.

– О чем задумался? – небрежно спросила Гри поглядывая на парня со скуки.

– О том, что вокруг. – также небрежно ответил он. Сигарету он уже давно докурил и выбросил в окно. Рука высунулась прямо под прохладный ласковый воздух. Троп раздвинул пальцы, поток проходил сквозь них, как мягкий водный ручей, отводил мысли от троицы бесчувственных бледных глаз. – И о том, каким будет привал.

– И каким же он будет?

– Надеюсь, что спокойным. – холодно ответил Троп, прикрыл глаза на секунду, и с облегчением увидел под веками только пустоту. Он достал из бардачка карту, цокая языком всмотрелся в ориентиры на ней. – Скоро кончится лес. И холмы. За сегодня проедем Мордатую долину, проедем через несколько рощиц и должны попасть аккурат к расселине. До неё лучше не доезжать. Нечего нам там делать ночью. Переночуем в скалах рядом.

Гри не стала спорить, хотя было видно, что ей хотелось. Вместо этого она начала тормозить, медленно съезжая к левой обочине.

– Мне надо отлить. А потом ты садись за руль.

Хотя они ехали почти целый день, вскоре край леса, жадный до новой земли, пророс к дороге, и захватил небольшой клочок у асфальта и мирной почвы за ним. И дальше путь едва был легче, слабо отличаясь от бездорожья.

Мордатая долина перегрызла дорогу старого мира в жалкие осколки, из которых выглядывала густая поросль. Приходилось часто сворачивать, объезжать и тормозить перед каждой неровностью. Назвали долину так после большого сражения между городами, которое было прервано землетрясением. Изрытая воронками от взрывов земля скривилась в кривой усмешке. Похоронила под собой множество машин и людей. Один пилот биплана — одного из редчайших механических дикиховинок новой эры, сделал фотографию, и она разошлась по всей округе. На ней была долина с птичьего полёта. Израненная земля злобно глядела огромными кратерами от взрывов, и улыбалась. Скалилась разверзнутой почвой.

Путь был изломан резкими поворотами, а когда они доехали до рощиц, то замедлились ещё сильнее. Корни дубов и клёнов проросли прямо на пути, отказываясь разваливаться под колёсами проезжающих машин. Дорога была одной из самых безопасных, и эти промедления — всего лишь справедливая цена. Машины проезжали мимо всего пару раз. Подозрительные ржавые колымаги с торчащими стволами гладкоствольных автоматов. Это могли быть как бандиты, так и просто отчаявшиеся, но подготовленные жители Угольного города. Когда они выезжали из рощи, на крышу примостился ястреб-слепец. Либо искал чем поживиться, либо с голоду надумал наброситься на рокочущий ящик с тёплыми существами из мяса внутри. Троп, высунувшись через окно, застрелил его из обрез дробовика.

Скалы слева от дороги медленно переходили в каменную землю, это была граница ещё одной территории, пострадавшей от землетрясения. Горизонт загораживали вершины, исполосованные трещинами и заваленные камнями. Когда-то давно, если верить историкам, тут была река, но земля решила сменить обстановку, и теперь вода в неё не входила. Далеко на горизонте виднелась гора Увалень в снежной шапке. Всего в полукилометре отсюда земля резко уходила под уклон в трещину шириной метров пятнадцать. По дням эта каменная рана была прибежищем нетопырей и гигантских крыс, поэтому её иногда называли “крысиной”, но почему-то название не прижилось. Ночью звери вылетали и выползали на охоту, но боялись огня вдалеке от своего логова.

Вечерело, и путники нашли место между тремя небольшими холмами, осторожно заехали на ровную каменную стоянку. “Фанатик” отработал на славу, полностью остановившись всего два раза на пару минут. От капота веяло жаром.

Они развели костёр посреди нескольких скал, скрывших напарников от вечно любопытных глаз враждебной природы. Три скалы вокруг словно обступили их, укрывая от ветра и склоняя свои острые головы над костром. Они выглядели неестественно, словно когда-то давно их слепили из бетона, и рука скульптора-демиурга скривила вершины.

Костер приятно потрескивал, но от дыма чувствовался неприятный кислый аромат. Топливо для огня пришлось набрать в кленовой роще, собирая валежник под ногами у больного древесного народа. Многие листья уже опали, кора обваливалась без видимых причин.

Роще нездоровилось и, если не повезёт, через пару сезонов останется только сухое почерневшее кладбище.

Они сидели на спальных мешках, грелись у костра, жевали подогретую пищу. Вдалеке слышались повизгивания мышиноного народа. Где-то в стороне ветер шелестел травой и листвой нескольких деревьев умудрившихся прорасти рядом со скалами. Над головами путников и над вершинами укрывающих их скал было бесконечное ночное небо. Звезды скромно выглядели из-за облаков, а когда к ним присоединялась соседка-Луна, то всё вокруг обретало очертания и тонкие тени в тусклом свете. Им не спалось. Сейчас должна была дежурить Гри, но что-то удерживало их у костра. Голод... или беспричинная тревога.

– Зря мы поехали прямо к полнолунию. – пробормотал Троп и со скуки пошевелил палкой бревна в костре. Ворох искр коротко разлетелся вокруг, словно потревоженный огонь недоброльно огрызался.

– Думаешь крысы взбесятся и придут погостить? – Гри ответила, задумчиво наблюдая за всполохами пламени. Было видно, что ей с трудом даётся отрывать разум из глубины своих мыслей.

– Нет. Крысам и нетопырям плевать на полнолуние. Байки на эту тему врут.

– Но волки точно ведут себя агрессивнее. И собираются большими стаями. Я знаю, что волколаки изредка живут с ними, но сама видела двуногих тварей только в полнолуние. – голос девушки постепенно обрёл живость и любопытство. О чем бы она не думала, смотря на языки пламени, это наваждение отступило в дымку забвения.

– Да. Это правда. И волколаки охотнее верховодят стаей в полнолуние. Зов крови. Как-то так старик это называл. Но волки именно тут не водятся. Видимо нечем поживиться, кроме мелких грызунов. Скалы слишком маленькие и бедные для козлов, слишком мало травы для оленей. Вроде в рощицах водились кабаны, но мы ни одного не встретили. Наверно ушли за лучшей поживой.

– Так каких баек ты боишься, *chasseur*?

– Слышала историю про лунных горбунов? – сказал Троп с хитрецей в голосе уже зная ответ. Он улыбнулся, когда Гри подняв на него взгляд медленно мотнула головой. – Я почти уверен, что это правда. Мне рассказывали её в детстве болотные рыбаки, а потом я услышал ещё одну версию от дигтеров в Чёрной зоне.

– Ну давай. Поработай сказителем. Может получится усыпить меня, и останешься тут дежурить один. – сказала девушка, укутав лицо в шарф.

Троп откашлялся и сел поудобнее, настраивая себя на волну рассказчика и вспоминая детали. Сначала он хотел начать рассказ изобразив жуткий низкий голос, но усмехнулся собственной идее. Он начал обычным, спокойным голосом, словно рассказывал про нечто будничное:

Полнолуние делает плохие вещи не только со зверями, но и с людьми. Самое жуткое в этом то, что это событие происходит не каждое полнолуние и условия настолько расплывчаты, что все извилины в голове разгладишь, пока поймёшь, чего именно стоит остерегаться. Это случилось с другом моего приёмного отца в болотной деревне. Его друг был траппером, научил этому ремеслу двух своих дочерей. В одну зиму им приходилось ставить силки и капканы в полудне от дома. Опасное дело, но шкуры очень хорошие, да и мясо с мелкой дичи вкусное, а той зимой ни одного зайца или водяного крота рядом не было. Траппера звали... кажется Хибр. Имена дочерей не помню, специально забыл после того... ну это я тебе рассказывал.

Так вот. Хибр нажрался с самого утра и оклемался только к часам трём. Он не хотел идти так поздно за дичью, но дочери настояли. Видимо мужик чувствовал, что погода испортится, потому что так и получилось. Заката не было видно за ливневыми тучами, ветер срывал листья с деревьев. К ночи все и так поняли, что тройца решила переночевать в какой-нибудь забро-

шенной хижине, которые иногда можно было найти в болотах. Да и ловушки рядом с ними ставить было бы очень кстати. В общем никто не волновался, все ждали их к утру. И через пару часов рассвета, когда поднялся густой туман, они вернулись в деревню. Все вместе. Всё обошлось. Но дочери потом говорили, что той ночью Хибр делал странные вещи, да и по возвращению начал вести себя странно. Мужик стал часто смотреть в небо, разговаривал меньше обычного, ходил вечно какой-то унылый и грустный, постоянно опускал голову. Будто что-то искал в земле или как будто сделал какую гадость всему миру и теперь ему очень стыдно. По ночам он выходил из дома, часами стоял рядом с уличным фонарём и просто смотрел на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.